

Б. В. БОЛДЫРЕВ

КАТЕГОРИЯ
КОСВЕННОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ТУНГУСО-
МАНЬЧЖУРСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ

Б. В. БОЛДЫРЕВ

КАТЕГОРИЯ
КОСВЕННОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
В ТУНГУСО-
МАНЬЧЖУРСКИХ
ЯЗЫКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

Работа посвящена исследованию категории косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийском, эвенском, негидальском, орокском, ороцком, ульчском, нанайском и удэгейском). Автор выявляет фонетические, морфологические и синтаксические особенности формы косвенной принадлежности.

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Е. И. УБРЯТОВА

Первым, кто обнаружил грамматическую форму косвенной принадлежности¹ в одном из тунгусо-маньчжурских — эвенском языке, был В. Г. Богораз. О. П. Суник, изучавший рукописное наследство В. Г. Богораза, отмечает, что уже в 1895 г. тот писал о грамматической форме косвенной принадлежности в эвенском языке². В 1931 г. были изданы «Материалы по ламутскому языку» В. Г. Богораза, где автор по поводу рассматриваемой грамматической формы пишет: «Притяжательные формы имен образуются при помощи следующих суффиксов:

1 л.	2 л.	3 л.
<i>Sing-b (u)</i>	<i>-u (i)</i>	<i>-n (i)</i>
<i>Plur-t (i),-(h) un</i>	<i>-uo_on</i>	<i>-tan</i>

Суффиксы эти к основе присоединяются двойким образом: 1) непосредственно, напр. *min d'u'-u* 'мой дом', или 2) со вставлением суффикса *-ŋ* напр.: *min hälä-ŋ-u* 'мое железо'.

По первому способу образуются притяжательные формы слов, обозначающих степени родства, части человеческого тела, и, далее, предметы личного употребления: обувь, одежду, оружие, также жилище, скот и т. д. По второму способу образуются притяжательные формы тех предметов, владение которыми имеет более отдаленный характер, например объекты охоты и других промыслов, предметы торговли и т. д.»³

¹ Исследователи тунгусо-маньчжурских языков именуют рассматриваемую форму формой «отчуждаемой», «неорганической», «относительной», «относительно-притяжательной» принадлежности.

² О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 437.

³ В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931.

Далее автор приводит примеры с косвенно-притяжательными формами, сообщает основные фонетические закономерности, связанные с употреблением данных форм с основами существительных различных фонетических типов. Более полно рассмотрена интересующая нас форма в работах В. И. Левина⁴, где автор помимо сведений, сообщенных В. Г. Богоразом, указывает на возможность оформления косвенно-притяжательными формантами имен прилагательных, выступающих в предложении в функции определений; кроме того, он приводит более четкую семантическую группировку существительных, способных принимать косвенно-притяжательное оформление.

В 1947 г. опубликован «Очерк грамматики эвенского языка» В. И. Цинциус⁵, в котором автор еще более подробно освещает ряд вопросов, связанных с грамматической формой косвенной принадлежности. В работе определено место суффикса косвенной принадлежности среди других формантов в составе слова, указана возможность сочетания в составе одного слова суффикса косвенной принадлежности и суффикса формы обладания -*лкан*. Суффикс косвенной принадлежности выделяется автором в особую группу форм выражения логико-грамматических отношений, так как этот формант не может быть отнесен ни к числу словообразовательных, ни к числу словоизменяемых формантов.

Дополнительные сведения, связанные с грамматической формой косвенной принадлежности, находим в исследовании К. А. Новиковой, являющемся описанием ольского говора эвенского языка. Автор отмечает возможность косвенно-притяжательного оформления прилагательных, числительных, указательных местоимений и причастий в случае их окказиональной субстантивации. В работе обращается внимание на тот факт, что не все семантические группы имен существительных обладают способностью принимать как прямое, так и косвенно-притяжательное оформление⁶.

Первое упоминание о грамматической форме косвенной принадлежности в эвенкийском языке мы находим

⁴ В. И. Левин. Самоучитель эвенского языка. Л., 1935; *Он же*. Краткий эвенско-русский словарь. Л., 1936, стр. 126.

⁵ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947.

⁶ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 147—149.

в «Очерке грамматики эвенкийского (тунгусского) языка» Г. М. Василевич, опубликованном в 1940 г., где автор отождествляет суффикс косвенной принадлежности с омонимичным ему суффиксом предикативно-притяжательной формы⁷.

Краткую характеристику интересующей нас грамматической формы мы находим в исследовании О. А. Константиновой и Е. П. Лебедевой. Авторы указывают на особенности употребления суффикса косвенной принадлежности, определяют его место в составе слова среди других формальных показателей⁸.

Более полно рассмотрена грамматическая форма косвенной принадлежности в работе О. А. Константиновой «Эвенкийский язык», опубликованной в 1964 г.⁹ В этой работе автор выделяет семантические группы имен существительных, способных принимать косвенно-притяжательное оформление, выявляет дополнительные значения суффикса косвенной принадлежности, рассматривает особенности сочетания этого форманта с суффиксом обладания и с именем отрицания.

В работах А. В. Романовой и А. Н. Мыреевой отражены особенности употребления исследуемой нами формы в различных говорах эвенкийского языка¹⁰.

В работе В. А. Горцевской «Характеристика говора баргузинских эвенков» описанию грамматической формы косвенной принадлежности места не уделено, поскольку автор приняла последнюю за омонимичную ей в эвенкийском языке предикативно-притяжательную форму¹¹.

Одним из первых обнаружил рассматриваемую форму в нанайском языке А. Н. Улитин, но ему не удалось ни выявить подлинную форму данного грамматического явления, ни дать достаточно четкую характеристику его

⁷ Г. М. Василевич. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, стр. 59.

⁸ О. А. Константинова, Е. П. Лебедева. Эвенкийский язык. Л., 1953, стр. 80—81.

⁹ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 65—69.

¹⁰ А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Очерки токкинского и томотского диалектов. М.—Л., «Наука», 1962, стр. 26; *Они же*. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., «Наука», 1961, стр. 26—27.

¹¹ В. А. Горцевская. Характеристика говора баргузинских эвенков. Л., 1936, стр. 39.

значения¹². Встретившуюся в текстах грамматическую форму косвенной принадлежности он интерпретирует так: «Что же касается *-go* ↔ *-gu*, его значение не вполне ясно. Чаще всего он показывает на то, что данный предмет приобретен, найден, рожден (женился, вышла замуж). По всей вероятности, выражает какую-то степень обладания (собственности). После себя получает местоименный притяжательный суффикс»¹³.

Исследователь нанайского языка Т. И. Петрова в своих работах дает краткую характеристику интересующей нас формы, не затрагивая многие вопросы, связанные с этой формой¹⁴.

Исследование той же формы заняло значительное место в работах В. А. Аврорина. Автор дает более полное и глубокое освещение связанных с ней вопросов, впервые указывает на беспомощность взгляда на косвенную принадлежность как на частную категорию притяжательности, определяет место этой формы в общей структуре морфологии нанайского языка, более подробно характеризует семантические группы существительных, способных принимать оформление суффиксом косвенной принадлежности, исследует его употребление применительно к различным частям речи, указывает на необходимость принимать во внимание семантические особенности как существительного, обозначающего предмет обладания, так и существительного, обозначающего субъект обладания. Автор указывает на возможность использования формы косвенной принадлежности «... для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он ранее упоминался соответствующим лицом или был предметом его мысли», отмечает способность формы косвенной принадлежности сочетаться с положительной и отрицательной формами обладания¹⁵.

¹² А. И. Улитин. Материалы по гольдскому (нанайскому) языку. «Язык и мышление», 1933, № 1.

¹³ А. И. Улитин. Указ. соч., стр. 136—137.

¹⁴ Т. И. Петрова. Краткий нанайско-русский словарь. Л., 1935, стр. 95; Она же. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960, стр. 32; Она же. Нанайско-русский словарь. Л., 1960, стр. 174—176.

¹⁵ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959; Он же. Об ошибках в освещении некоторых вопросов грамматического строя нанайского языка и его истории. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1953, т. 5.

Особенности грамматической формы косвенной принадлежности в кур-урмийском диалекте нанайского языка отмечаются в работе О. П. Суника, где автор показывает общие и отличительные признаки формы косвенной принадлежности в литературном языке и в диалекте¹⁶.

Рассмотрению данной формы в негидальском языке отводится место в исследовании К. М. Мыльниковой и В. И. Цинциус. В этой работе авторы достаточно четко формулируют значение формы косвенной принадлежности, рассматривают основные фонетические закономерности, связанные с употреблением суффикса косвенной принадлежности, определяют место последнего в составе слова среди других формальных показателей¹⁷.

Описанию рассматриваемой нами формы в ульском языке посвящена работа Т. И. Петровой. Там мы читаем: Суфф. *-ngu* с притяжательными окончаниями встречается обычно тогда, когда надо отметить то, что предмет добыт или каким-либо другим образом освоен данным лицом. Как и в нанайском языке, суффикс этот не может чисто формально прилагаться ко всем именам. Точно установить случаи его употребления не удалось»¹⁸. Далее автор отмечает возможность косвенно-притяжательного оформления «прилагательных».

Характеристика грамматической формы косвенной принадлежности в орокском языке содержится в работах того же автора, в которых она определяет значение суффикса косвенной принадлежности, указывает на возможность сочетания последнего с суффиксом обладания¹⁹.

В «Очерке морфологии орокского языка» В. И. Цинциус характеризует особенности грамматической формы косвенной принадлежности, приводит примеры на ее употребление²⁰.

¹⁶ О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.

¹⁷ К. М. Мыльникова, В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931.

¹⁸ Т. И. Петрова. Ульский диалект нанайского языка. Л., 1936, стр. 35, 39.

¹⁹ Т. И. Петрова. Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967, стр. 39—40; Она же. Имя существительное в орокском языке. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. Герцена», 1959, т. 167.

²⁰ В. И. Цинциус. Очерк морфологии орокского языка. «Уч. зап. ЛГУ». Серия востоковедческих наук, 1949, № 98, вып. 1.

Более подробно интересующая нас форма рассмотрена Е. Р. Шнейдером на материале языка удэгейцев. Автор показывает особенности проявления данной формы в удэгейском языке, определяет круг значений этой формы, выделяет семантические группы существительных, способных принимать косвенно-притяжательное оформление²¹.

В работе А. Ф. Бойцовой «Категория лица в эвенкийском языке» эта форма рассматривается в сравнительном плане на материале эвенкийского, эвенского, негидальского, орокского, ороцкого, удэгейского и ульчского языков²².

Большое внимание сравнительному изучению формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках уделено в работах О. П. Суника. Автор внес немало существенных дополнений в разработку вопроса о грамматической форме косвенной принадлежности, употреблении этой формы, истории ее образования. Целый ряд вопросов, связанных с данной формой, О. П. Суником интерпретирован достаточно полно и верно, хотя некоторые грамматические явления остались вне поля зрения автора, другие, как нам кажется, получили не вполне верное решение²³.

Упоминание рассматриваемой формы мы находим и в известном исследовании Г. И. Рамstedта, где, с нашей точки зрения, автор делает неудачную попытку отождествления суффикса косвенной принадлежности с суффиксом предикативно-притяжательной формы, причем последнюю автор считает суффиксом родительного падежа, что также не соответствует действительности²⁴.

Указанными исследованиями по сути дела и ограничивается работа, проделанная в области изучения фор-

²¹ Е. Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936, стр. 101.

²² А. Ф. Бойцова. Категория лица в эвенкийском языке. Л., 1940, стр. 144.

²³ О. П. Суник. О категории...; *Он же*. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1947, стр. 69—72, 180—187; *Он же*. Из истории грамматического строя тунгусо-маньчжурских языков. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1953; *Он же*. О possessивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках. «Язык и мышление», т. XI, стр. 284.

²⁴ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. (Перев. с нем.). М., 1957, стр. 73.

Высоко оценивая достоинства названных работ, мы все же решили продолжить исследование грамматической формы косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках, имея в виду привлечь более обширный материал и подвергнуть его по возможности всестороннему анализу, расширив и уточнив выводы, сделанные предшествующими исследователями.

Автор ставит перед собой следующие задачи.

1. Выявить структуру косвенно-притяжательных конструкций в тунгусо-маньчжурских языках.

2. Проанализировать семантические основы противопоставления прямых и косвенно-притяжательных конструкций.

3. Выяснить фонетические особенности суффикса косвенной принадлежности.

4. Определить морфологические особенности суффикса косвенной принадлежности.

5. Рассмотреть форму косвенной принадлежности вне системы притяжения.

6. Попытаться выявить происхождение суффикса косвенной принадлежности тунгусо-маньчжурских языков.

В основу работы легли материалы, записанные автором в 1968 г. от удэгейцев с. Гвасюги на р. Хор; от орочей Ульки Ороцкой Хабаровского края и от эвенков и ороков пос. Вал Ногликского района Сахалинской области. Автор использовал также полевые записи В. А. Аврорина, сделанные им во время научных командировок в районы расселения нанай и любезно переданные нам для анализа и подбора иллюстративного материала; значительная часть примеров почерпнута нами из художественной, учебной и политической литературы, изданной на эвенкийском, нанайском, эвенском литературных языках. Материалом для написания данной работы послужили также бытовые и фольклорные записи исследователей тунгусо-маньчжурских языков. В ряде случаев автор привлекает примеры, взятые из работ специалистов по названным языкам. Иллюстративный материал приводится в том виде, в каком он взят из источников:

1) материалы, заимствованные из научных публикаций, подаются в общепринятой тунгусоведами транскрипции, т. е. на расширенном практическом алфавите с обозначе-

СТРУКТУРА
ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

нием заднеязычных η и z , среднеязычных n' , ζ и j , обозначена долгота гласных (черта над буквой);

2) материалы, почерпнутые из художественной литературы, приводятся в практическом письме, принятом для этих языков;

3) некоторые материалы по эвенскому языку, заимствованные из работ К. А. Новиковой, приводятся в транскрипции, составленной на основе русского алфавита, дополненного специальными знаками, объяснение которых можно найти в работе названного автора²⁵;

4) полевые записи приводятся в практическом письме — для языков, имеющих письменность; для языков, не имеющих письменности — в общепринятой транскрипции.

Автор приносит благодарность В. А. Аврорину, В. М. Надеяеву, С. А. Наденну, Н. Н. Акимовой, В. Т. Кялундзюга, А. В. Семеновой, оказавшим большую помощь в подготовке рукописи и накоплении материала, а также Н. Б. Киле и С. Н. Онеко за сообщение ряда сведений об исследуемой форме в нанайском языке и за предоставление иллюстративного материала.

Наличие двух видов принадлежности, прямой и косвенной, отмечено во всех тунгусо-маньчжурских языках, имеющих лично-притяжательные форманты. Правда, не удалось до сих пор обнаружить грамматическую форму косвенной принадлежности в солонском языке, а по свидетельству О. П. Суника, эта форма отсутствует и в языке зарубежных нанайцев¹. Но поскольку сведения о солонском языке исчерпываются до последнего времени сравнительно немногочисленными материалами Н. Н. Поппе² и некоторых других исследователей³, а материалы по языку зарубежных нанайцев еще более скудны⁴, то утверждать с полной уверенностью об отсутствии в упомянутых языках этой формы не приходится.

Поучительна история изучения баргузинского говора эвенкийского языка. До последнего времени исследуемая нами форма в этом говоре⁵ не отмечалась. Более тщательное изучение материалов Н. Н. Поппе⁶ позволило выявить данную форму и в этом говоре.

Под прямой принадлежностью понимаются такие отношения между предметами, когда один из них имеет

¹ О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1959, стр. 19; *Он же*. О языке зарубежных нанайцев. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1958, № 11, стр. 177.

² Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Л., 1931.

³ А. О. Ивановский. Образцы солонского и дахурского языков. «Mandjurica», т. I. СПб., 1894.

⁴ Библиографию этих материалов см.: О. П. Суник. О языке зарубежных нанайцев.

⁵ В. А. Горцевская. Характеристика говора баргузинских эвенков. Л., 1941, стр. 112; О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 437.

⁶ Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927, стр. 24, 34, 36.

²⁵ К. А. Новикова. Указ. соч., стр. 3—6.

непосредственное отношение к другому или является его органической частью. Косвенная принадлежность предполагает такие отношения, при которых один предмет принадлежит другому, но является органической частью третьего предмета, или когда принадлежность одного предмета носит условный характер. Довольно часто выражение такой принадлежности бывает связано с выделительностью. Таким образом, наличие двух противоположных грамматических категорий определяется различным характером двух видов принадлежности, прямой и косвенной.

Грамматическое значение принадлежности в современных тунгусо-маньчжурских языках, исключая маньчжурский, находит свое выражение прежде всего, хотя и не исключительно, как мы увидим ниже, в двучленной притяжательной конструкции, первым членом которой обычно обозначается субъект обладания, выражаемый местоимением или существительным, а вторым, чаще всего именем существительным, — объект обладания. Порядок расположения членов притяжательной конструкции в большинстве тунгусо-маньчжурских языков строго регулярен, перестановка членов (она отмечена лишь для полигусовского говора эвенкийского языка О. А. Константиновой⁷), как правило, недопустима, поскольку она нарушает сложившиеся синтаксические нормы языка и, таким образом, затрудняет его коммуникативные функции.

Прямая принадлежность выражается с помощью притяжательных аффиксов, которые могут быть лично-притяжательными или возвратно-притяжательными. Дифференциация в употреблении этих двух видов притяжательных аффиксов определяется синтаксической ролью первого члена притяжательной конструкции: если предмет принадлежит не субъекту действия, а кому-то или чему-то иному, то обозначающее этот предмет слово оформляется лично-притяжательными суффиксами, которые различаются по лицам и числам. Эти суффиксы выражают принадлежность предмета определенному грамматическому лицу (1-му, 2-му или 3-му). Основные варианты лично-притяжательных суффиксов в тунгусо-маньчжурских языках для удобства обозрения представлены в табл. 1.

⁷ О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 64.

Таблица 1

Язык Лицо		Эвенкийский	Эвенский	Негидальский	Нанайский	Ульчский	Орокский	Орочский	Удэгейский
		1-е	-а, -ви, -ми, -би, -и-е	-а, -й/-у, -мү/-му, -бү/-бу	-а, -и-а, -у, -м, -би	-и, -би	-и/-и, -би/-би	-би/-ви	-си, -ји, -ми, -би
Ед. число	2-е	-с, -и-с, -си	-с, -сй/-сй	-с, -и-с, -си	-си	-сй/-си	-си, -ти, -чи,	-си	-гй/-гй
	3-е	-н, -и-н, -ни	-н, -нй/-нй	-нин/-нин	-ни	-ни/-ни, -н	-ни	-ни	-ни/-ни
	1-е (искл.)	-сун, -бун, -пун, -мун	-мүн/-мун, -сүн/-сун, -бүн/-бун	-хун, -бун, -пун, -мун	-но/-ну	-нү/-ну	-ну	-бү/-бу -мү/-му -сү/-су	-й/-у, -мү/-му
Мн. число	1-е (вкл.)	-т, -ит, -ты	-т, -тй/-ты	-т, -и-т, -тй	отсутствует			-ни	-гй/-гй
	2-е	-сун	-сён/-сён	-сун	-со/-су	-сү/-су	-сн, -чн	-сү/-су	-гй/-гй
	3-е	-тын	-тён/-тён	-тин/-тин	-чи	-ти/-ти, -т	-чи	-ти	-ти/-ти

Таблица 2

Язык	Ед. число	Мн. число
Эвенкийский	-ви, -би, -ни, -жи, -ми	-вар, -бар, -нар, -кар, -мар
Эвенский	-ми/-ми, -би/-би, -j∞-и/-и	-вур/-евур, -ур/-ур, -мур/-мур, -бур/-бур
Негидальский	-йя, -ня, -мя, -жя, -бя	-вај, -бај, -мај, цај, -бај
Нанайский	-и∞-би	-вари/-эри∞-бави/ /-бару, -ави/-эри∞-ри
Ульчский	-и/-и, -би/-би	-вари/-эри∞-барі/-бэри
Орокский	-би/-и	-бави/-бэри, -ри
Орочский	-ју/-ви, -и, -ми, -би	-баји/-бэји, ббаји/-ббэји
Удэгейский	-и/-и, -ми/-ми, -би/-би	-фай/-фэм∞-фи/-фи

Если же предмет принадлежит субъекту действия, то существительное, обозначающее этот предмет, оформляется возвратно-притяжательными суффиксами (см. табл. 2), которые дифференцируются в зависимости от числа субъекта действия-обладания, но не предмета обладания. Выбор варианта суффикса в пределах каждого числа определяется типом основ существительных и их вокализмом в соответствии с законом гармонии гласных.

В роли первого члена притяжательной конструкции в нанайском, удэгейском, орочском, в восточных говорах эвенкийского языка, наряду с именами существительными в беспадежной форме, выступают также беспадежные формы личных местоимений; в ульчском и литературном эвенском в этой функции выступают склоняемые основы соответствующих личных местоимений; в негидальском и орокском на равных основаниях используются и беспадежная форма личных местоимений, и их склоняемая основа; в эвенкийском языке роль первого члена притяжательной конструкции выполняют местоимения, образованные от косвенных основ личных местоимений при помощи суфф. -нги (-ци).

Для удобства сведем эти формы в табл. 3.

В последних по времени изданиях исследованиях одни специалисты (В. Д. Колесникова, О. А. Константинова)

Таблица 3

Язык Лицо		Эвенкийский	Эвенский	Негидальский	Нанайский	Ульчский	Орокский	Орочский	Удгейский
		1-е	<i>митци (би)</i>	<i>мин (би)</i>	<i>мин</i>	<i>мй</i>	<i>мин</i>	<i>би∞мин</i>	<i>бй</i>
2-е	<i>синуци (си)</i>	<i>хин (хи)</i>	<i>син</i>	<i>сй</i>	<i>син</i>	<i>си∞син</i>	<i>сй</i>	<i>си</i>	
3-е	<i>нуңанци (нуңан)</i>	<i>ноңан</i>	<i>ноңан</i>	<i>нёани</i>	<i>нāн</i>	<i>нōни</i>	<i>нўңан'и</i>	<i>нја</i>	
Мн. число	1-е (пскл.)	<i>муңци (бу)</i>	<i>муң (бу)</i>	<i>муң</i>	<i>буэ</i>	<i>муң</i>	<i>бу∞муң (у)</i>	<i>бў</i>	<i>бу</i>
	1-е (вкл.)	<i>митци (мит)</i>	<i>мут (мут)</i>	<i>бутта</i>	Отсутствует			<i>бити</i>	<i>минти</i>
	2-е	<i>сунци (су)</i>	<i>хун (ху)</i>	<i>сун</i>	<i>суэ</i>	<i>сун</i>	<i>су∞сун (у)</i>	<i>сў</i>	<i>су</i>
	3-е	<i>нуңарцитын (нуңартын)</i>	<i>ноңортан</i>	<i>ноңатил</i>	<i>нёанчи</i>	<i>нāт</i>	<i>нōчи</i>	<i>нўңанти</i>	<i>нјати</i>

относят данные формы к числу притяжательных местоимений, другие (Т. И. Петрова) считают их несамостоятельными притяжательными местоимениями, третьи (К. А. Новикова, В. А. Аврорин, О. П. Суник) рассматривают указанные формы как личные местоимения в несклоняемой (самостоятельной) или склоняемой (несамостоятельной) формах⁸.

Мы склонны разделять третью точку зрения. Выступая в притяжательном сочетании, беспадёжная форма личного местоимения переводится на русский язык притяжательным местоимением, но это, как подчеркивает В. А. Аврорин, «не даёт, однако, оснований определять ее как притяжательное местоимение»⁹ поскольку личные местоимения в этой форме не могут употребляться ни как предикативные определители принадлежности, ни заместительно, ни в качестве обособленных определений, т.е. они не обладают большинством функций, составляющих обязательную принадлежность местоимений.

Как упоминалось, в литературном эвенкийском языке рассматриваемая форма образуется от склоняемой основы соответствующих личных местоимений при помощи суф. *-нги/-ңи*. Она способна выполнять не только роль прямого определения по принадлежности, но и функции, которые в остальных рассматриваемых языках выполняет предикативно-притяжательная форма, иначе говоря, рассматриваемая форма употребляется как прямое определение по принадлежности, предикативное определение по принадлежности, заместительно и в качестве обособленных определений, что позволяет отнести данную форму к числу притяжательных местоимений. В восточных и ряде северных говоров эвенкийского языка¹⁰ исследуемая форма используется лишь как предикативно-притяжательная, а роль прямого определения по принадлежности выполняют личные местоимения в беспадёжном употреблении.

⁸ «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968.

⁹ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959, стр. 250.

¹⁰ Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского языка. М.—Л., 1940; А. В. Романова, А. П. Мырзева. Очерки токинского и томтоского диалектов. М.—Л., «Наука», 1962; Они же. Очерки учурского, майского и тоттинского говоров. М.—Л., «Наука», 1961.

Это позволило исследователям эвенкийского (Г. М. Василевич, О. А. Константинова, Е. П. Лебедева) и других тунгусо-маньчжурских языков высказать предположение о том, что притяжательные местоимения эвенкийского литературного языка первоначально выполняли лишь функции предикативных определений по принадлежности и обособленных определений. Они могли употребляться заместительно. Употребление же этой формы в роли прямого определения — явление сравнительно недавнее. В. А. Аврорин в исследовании, посвященном сравнительному анализу предикативно-притяжательной формы в тунгусо-маньчжурских языках, считает, и, по нашему мнению, совершенно справедливо, что вначале беспадёжная форма в говорах, которые положены в основу эвенкийского литературного языка, «совпадала с формой именительного падежа и лишь впоследствии приобрела для личных местоимений форму, совпадающую с основой для косвенных падежей»¹¹.

Как уже указано, первый член притяжательной конструкции негидальского, ульчского, орокского и литературного эвенского языков обычно выражается беспадёжной формой склоняемой основы соответствующих личных местоимений, в языках же нанайском, орокском, удэгейском, а также в ряде говоров эвенкийского и эвенского языков в роли первого члена притяжательной конструкции выступают личные местоимения в несклоняемой (самостоятельной) форме. Можно предположить, что различные формы личных местоимений — склоняемые и несклоняемые — в этих двух группах языков обусловлены различными способами выражения первого члена притяжательной конструкции, т.е. определения по принадлежности. Очевидно, первоначально прямым определением по принадлежности в первой группе языков являлись склоняемые формы личных местоимений в род. падеже, морфологическим показателем которого являлся суф. *-и*, определяемое же по принадлежности в упомянутых языках осталось неформальным. В маньчжурском языке, в котором притяжательных формантов не существует, роль прямого определения по принадлежности выполняют су-

¹¹ В. А. Аврорин. Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках. — ВЯ., 1956, № 3, стр. 99.

существительные и личные местоимения, оформленные суффиксом род. падежа¹².

С появлением в перечисленных языках притяжательных формантов, которые стали оформлять второй член притяжательной конструкции (определяемое по принадлежности), обозначая лицо и число субъекта обладания, необходимость в первом члене притяжательной конструкции, выраженном личным местоимением в род. падеже, отпала, и он продолжал существовать лишь как реликтовая форма. Суффикс род. падежа склоняемой формы личных местоимений, по всей вероятности, редуцировался как плеоназм.

Второй член притяжательной конструкции (определяемое по принадлежности), обычно выраженный именем существительным, всегда имеет соответствующий лично-притяжательный суффикс, который указывает на лицо и число первого члена конструкции. Отсюда следует, что морфологическое выражение функции первого члена притяжательной конструкции в рассматриваемых языках выполняют не столько притяжательные местоимения в одних языках и беспадежные формы личных местоимений в других, сколько притяжательные форманты при существительных, обозначающих предмет обладания. Это подтверждено и тем, что первый член притяжательной конструкции довольно часто опускается. В этом случае единственным указанием на лицо и число субъекта обладания остается лично-притяжательный формант второго члена конструкции. Употребление первого члена притяжательной конструкции в роли прямого определения по принадлежности чаще всего диктуется необходимостью особо подчеркнуть принадлежность данного предмета какому-то определенному лицу. Как отмечает В. А. Аврорин, такое опущение «оказывается вполне возможным в случаях выражения первого члена личными местоимениями первых двух лиц, т. е. их отсутствие с предельной полнотой и точностью компенсируется лично-притяжательными суффиксами (1-е и 2-е лицо при данной ситуации всегда исчерпывающе однозначны) ... Практически реже осуществляется, хотя и вполне допустимо, опущение первых членов притяжательных словосочетаний, когда они выражаются личными ме-

стоимениями третьих лиц. Это объясняется тем, что слов, обладающих грамматической категорией 3-го лица, в составе предложения может быть несколько, вследствие чего при опущении первого члена возможна неясность относительно того, принадлежность какому именно предмету выражает притяжательная форма существительного»¹³. Основную роль в выражении лица и числа субъекта обладания играют лично-притяжательные суффиксы, а не первый член конструкции. Это подтверждается тем, что притяжательная конструкция не получит характера грамматической завершенности, если второй член ее не оформлен лично-притяжательным суффиксом, хотя исчерпывающие сведения о нем в этом случае сообщались бы первым членом конструкции.

В удэгейском языке довольно часто в роли первого члена притяжательной конструкции выступают указательные местоимения *yt'i* 'тог (та, то)' и форма мн. числа этого местоимения *ymizəmy* 'те'. Эта форма употребляется вместо соответствующих личных местоимений 3-го лица ед. или мн. числа. Такое употребление характерно для ороцкого и в несколько меньшей мере для нанайского языка.

Если в предложении субъект действия и субъект обладания совпадают, то в роли первых членов притяжательных конструкций употребляются возвратно-притяжательные местоимения, существительные же, обозначающие предмет обладания (определяемые по принадлежности), получают оформление возвратно-притяжательными формантами.

Основные варианты возвратно-притяжательных местоимений рассматриваемых языков см. в табл. 4.

Из таблицы видно, что почти во всех рассматриваемых языках возвратно-притяжательные местоимения имеют одинаковую форму для ед. и мн. числа. Исключение составляют говоры, положенные в основу эвенкийского и эвенского литературного языков, в которых указанные местоимения имеют различные формы для ед. и мн. числа.

Следует отметить, что во всех рассматриваемых языках (кроме эвенкийского) возвратно-притяжательные местоимения употребляются лишь в функции прямого определения по принадлежности и не могут быть ни предикативными определителями по принадлежности, ни обособлен-

¹² И. И. Захаров. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879. стр. 113.

¹³ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 149.

Таблица 4

Значе- ние	Эвенкий- ский	Эвенский	Нагай- ский	Ульч- ский	Орок- ский	Ороч- ский	Неги- дольский	Удгей- ский
свой	м̄н̄ңийей∞	м̄н̄	м̄н̄э (м̄н̄)	м̄н̄	м̄н̄∞	м̄н̄э (м̄н̄)	м̄н̄	м̄н̄э
своя	м̄н̄ңий̄				м̄н̄э	(м̄н̄)		
свое	(м̄н̄)							
свои	м̄н̄ңий̄эр (м̄н̄), м̄н̄ңий̄эр	м̄эр	м̄н̄э (м̄н̄)	м̄н̄	м̄н̄∞ м̄н̄э	м̄н̄э (м̄н̄)	м̄н̄	м̄н̄э

ными определениями, не употребляются они и заместительно. Эти функции в названных языках выполняются предикативно-притяжательной формой возвратно-притяжательных местоимений.

В эвенкийском литературном языке возвратно-притяжательные местоимения употребляются и в роли прямого определения по принадлежности, и выступают в функциях, которые в остальных языках выполняются предикативно-притяжательной формой возвратно-притяжательного местоимения.

Мы уже говорили, что исследователи тунгусо-маньчжурских языков признали распространение функций предикативно-притяжательной формы вторичным явлением. Первоначально в эвенкийском языке в роли прямого определения, как можно предположить, употреблялись лишь местоимения *мэн* (при ед. ч. обладателя) и *мэр* (при мн. ч. обладателя), а предикативно-притяжательные формы этих местоимений *м̄н̄ңий̄* и *м̄н̄ңий̄эр* употреблялись в роли предикативных определений по принадлежности, в заместительном употреблении или в функции обособленного определения. Этот вывод подтверждается материалами восточных, северных и сахалинских говоров эвенкийского языка, где в роли прямого определения выступают местоимения в форме *мэн* ~ *мэнэ*, а в остальных синтаксических функциях употребляется предикативно-притяжательная форма этих местоимений в возвратно-притяжательном оформлении. О том, что возвратно-притяжательные местоимения эвенкийского литературного языка представляют собой вторичное явление,

свидетельствует и форма этого местоимения при мн. числе обладателя *м̄н̄ңий̄эр* 'свой', морфологическая структура которого сохранила древний показатель мн. числа (наряду с указанной формой в эвенкийских говорах бывает возвратно-притяжательное местоимение *м̄н̄ңий̄эр*, где этот показатель утрачен).

Как отмечено, в возвратно-притяжательных конструкциях, первым членом которых являются возвратно-притяжательные местоимения, субъект обладания предметом и субъект действия совпадают, следовательно, можно заключить, что субъект действия, являющийся в предложении подлежащим, в то же время является определением второго члена притяжательной конструкции. Это «неразрешимое противоречие» довольно просто объясняется В. А. Аврориним: «Подлежащее остается подлежащим. Притяжательная связанность с ним существительного в возвратно-притяжательной форме логически сохраняется. Но само подлежащее в состав притяжательного словосочетания тем не менее не входит, а обозначается в нем его заместителем — возвратно-притяжательным местоимением...»¹⁴, например: нан. *Эси ми мэнэ нуктэнгудуи няр будамби*. 'Теперь я умру спокойно в своей семье'¹⁵ [21]¹⁶; эвк. *Эр-ты нунган мэнигиливи дуннэнгудуиви нэнэлчэн*. 'И вот он начал путешествовать по своему краю' [55]; срок. *Нони мэнэ боюңудии гэсэ пурэты пуличи-ни* 'Он ходил со своим медведем на охоту' [1].

Очень часто первые члены притяжательной конструкции, выраженные возвратно-притяжательными местоимениями, опускаются. Смысл предложения при этом не нарушается, так как принадлежность предмета субъекту обладания параллельно выражается возвратно-притяжательными формантами, которые, в отличие от опущенного местоимения, указывают не только на то, что субъектом обладания является субъект действия, но и на число последнего. Исследователи тунгусо-маньчжурских языков отмечают, что случаи опущения первого члена притяжательного словосочетания довольно часты, поскольку возвратно-притяжательные местоимения употребляются обычно в тех случаях, когда возникает необходимость особо под-

¹⁴ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 146.

¹⁵ Цифра в скобках обозначает название источника, из которого взят пример. Список использованных источников находится в конце работы.

черкнуть принадлежность предмета действующему лицу¹⁶, если же такой необходимости нет, возвратно-притяжательное местоимение опускается: орон. *Мамачагдай эжигицй и ичэхэни* 'Посмотрела старуха на слугу (своего)' [70]; уд. *Нй ми^банацйзйи базартёуи цнэ^бэни* 'Человек с мучкой (своей) шел на базар'² [2]; эвенк. *Ге бёгатёр кадирицйтви уркэв нйча* 'Второй богатырь глыбой (своей) открыл дверь' [63].

Нередко в предложении с возвратно-притяжательной конструкцией опускается подлежащее, а иногда и возвратно-притяжательное местоимение. Единственным указанием на субъект обладания в данном случае остается возвратно-притяжательный суффикс при существительном, обозначающем объект обладания. Но это указание не является исчерпывающим, поскольку возвратно-притяжательные суффиксы, в отличие от лично-притяжательных, ничего не говорят о лице опущенного подлежащего, а только отражают его число. Субъект действия и обладания в этих случаях определяется лишь предшествующим конструкцией или ситуацией, например: нан. *Мэнь димангосалгодии дэлэжигуйдуи ункини* 'Прощаясь со своими гостями, сказал'³ [36]; эвенк. *Талай асйциви туктыверэн* 'Поднял туда жену (свою)' [63].

В притяжательной конструкции (как прямой, так и косвенной) в роли первого члена, обозначающего субъект обладания, выступает имя существительное, форма которого чаще всего совпадает с беспритяжательной формой именительного падежа и связь со вторым членом словосочетания в нем самом выражена лишь его местоположением. Если существительное обозначает одного обладателя, то оно имеет форму ед. числа и в этом случае материально совпадает с основой; если же оно обозначает несколько обладателей, то, естественно, имеет форму мн. числа: нан. *Тэй коверсалба Туркмения паксисалгонии ангохачи* 'Эти ковры мастера Туркмении делали'; Чу *мангади-тани ми девэнсэл дянгангоачи улсилухэмби* 'А больше всего мне нравились начальник пчел'⁴ [37]; Кулаксал *хлебэнгучи Павлик гисурэхэни боаду тэрэж баогохан бичин* 'Хлеб

¹⁶ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 149; О. Н. Суник. Удэгейский язык. «Языки народов СССР», т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., «Наука», 1968 стр. 217.

кулаков был найден в том месте, о котором сказал Павлик'⁴ [41].

Не исключена возможность оформления существительных, обозначающих субъект обладания, притяжательными формантами (личными или возвратными). Это происходит в тех случаях, когда субъект обладания в то же время выступает и объектом обладания другого субъекта, т. е. если образуется цепочка последовательного притяжательного подчинения, например: нан. *Люба амини сунжкэнсэлгунии, коконисалгонии, хони бини* 'Какже у Любиного папы жуки и бабочки' (букв. 'Каковы жуки и бабочки папы Любы') [29]; эвенк. *Тадук митци дуннэцит илэцилин мэргэнмэтын, уңкеронматын эмэвум* 'Еще принес скорбь и низкий поклон людей нашего края'; Эр-ты *бу эдусэр гулдымэтчэвун, синци тэгэс эр итвчман ооас синду бэлэдэвэр дяддачавун* 'Так вот, мы здесь посоветовались и решили помочь тебе выполнить этот обычай твоего народа'; Эду *митни Северит бузтамницилин т-гватын ичдерэс* 'Тут вы видите труд охотников нашего Севера' [51]; Эси *амакэв анцанйцин дялжун дяр хэлжэ* 'Теперь моему деду восемьдесят с лишним лет' (букв. 'Теперь годы моего деда — восемьдесят с лишним') [64].

В эвенкийском языке существительное, обозначающее субъект обладания, может быть оформлено суфф. *-нй*, который в этом случае образует притяжательную форму имени существительного. Как отмечает О. А. Константинова, данный формант «в зависимости от числа обладателей предмета (или предметов)... присоединяется либо к основе единственного числа, либо к основе имени во мн. числе»¹⁷, например: *куңаканнй муннуканнйин* 'заяц мальчика', но *куңакарнй муннуканнйитын* 'заяц мальчиков'. Более того, «аффикс мн. числа в морфологическом составе имени с суфф. *-нй* может встретиться дважды: перед притяжательным афф. *-нй* (в этом случае он является показателем числа обладателей...) и после афф. *-нй* (здесь аффикс мн. числа отражает показатель числа имени существительного — предмета обладания...)»¹⁸, например: *куңакарнйил муннуканнйитын* 'зайцы мальчиков'.

Далее О. А. Константинова совершенно справедливо отмечает ошибочность точки зрения некоторых исследова-

¹⁷ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 64—65.

¹⁸ Там же.

телей (М. А. Кастрена, Г. М. Василевич, В. Д. Горцевской), согласно которой суфф. *-ңи* является формантом род. падежа.

Г. М. Василевич же говорит о том, что если суфф. *-ни* следует «после суффикса мн. числа *-л*, то он является формантом род. падежа, а если указанный формант предшествует суффиксу мн. числа или находится при именной основе на конце слова, то он относится к числу словообразовательных суффиксов, образующих притяжательные прилагательные»¹⁹.

Как показали исследования О. А. Константиновой и О. П. Суника, суфф. *-ңи* может предшествовать форманту мн. числа, может следовать после него, а может находиться и между двумя аффиксами мн. числа, выражая во всех трех случаях притяжательное значение. Кроме того, от форм. именуемых... формами род. падежа, в эвенкийском языке образуются формы других косвенных падежей²⁰, это указывает на то, что данный формант не относится к числу падежных. И наконец, значение принадлежности в эвенкийском языке выражается не падежными, а притяжательными показателями. Если, например, у первого члена притяжательной конструкции *куцакәңңи муннукаңңи* 'заяц мальчика' опустить суфф. *-ңи*, то конструкция *куцакәң муннукаңңи* будет переведена подобно конструкции с опущенным *-ңи*, т. е. 'заяц мальчика'. Каково же в этом случае назначение суфф. *-ңи*, оформляющего первый член притяжательной конструкции? О. А. Константинова считает, что при оформлении существительного, обозначающего субъект обладания, суффиксом притяжательной формы на него «падает логическое ударение и тем самым усиливается значение слова, выражающего признак принадлежности»²¹. Действительно, в современном эвенкийском языке суфф. *-ңи*, оформляя первый член притяжательного сочетания, выполняет эту функцию: *Наукаңги бәенгин бинэ, нунган тар дивэмэвэ гибридев наукаңит, латинскаит гәрбит «церападус» гәрбичән* 'Как человек науки, он назвал этот удивительный гибрид по-

научному, латинским именем: «церападус» [55]; *Этыр-кәңги чукагингдун авдурдудар сингэрэкэр кикэтчэрэ, дяв-матчэрэ* 'На стариковском лугу мыши в норах свистят, перекликаются' [49].

Как мы говорили, когда в эвенкийском языке отсутствовали притяжательные суффиксы, формант *-ңи* был, вероятно, показателем род. падежа, подобно суфф. *-и* ~ *-ни* маньчжурского языка и передавал значение принадлежности. Например: *куцакәңгй пурта* 'нож мальчика'. Но с появлением в эвенкийском языке притяжательных формантов, передающих значение принадлежности, суфф. *-ни* утратил эту функцию и, если продолжал свое существование, то только как реликтовая форма.

Неправоммерно отнесенные рассматриваемого форманта и к числу словообразовательных суффиксов, т. е. суффиксов, образующих притяжательные прилагательные, ибо эти прилагательные могут иметь при себе определения (*хулукәң куцакәңгй пуртан* 'нож маленького мальчика'; *хэгды колхозаңгй адылин* 'сеть большого колхоза' и т. п.) и требуют обязательного оформления определяемого притяжательными суффиксами. Эти «прилагательные» способны образовываться от существительных, стоящих в форме мн. числа (*куцакәңңи пуртатын* 'нож мальчиков'); в этом случае словообразовательный суфф. *-ңи* следует после формообразующего суффикса мн. числа, что в тунгусо-маньчжурских языках недопустимо. Кроме того, существительное, оформленное суфф. *-ңи*, может быть оформлено притяжательными суффиксами (*амингис адылин* 'твоего отца сеть').

Таким образом, суфф. *-ңи*, оформляющий существительные, служащие для обозначения субъекта обладания, можно отнести только к числу формообразующих формантов, а именно тех, которые образуют притяжательные формы существительных.

¹⁹ Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 780.

²⁰ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 65; О. П. Суник. О несессивных аффиксах и родительном падеже в тунгусо-маньчжурских языках. «Язык и мышление», 1948, № XI, 286.

²¹ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 65.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПРЯМОЙ И КОСВЕННОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Рассмотрев структуру притяжательных конструкций, в которых косвенно-притяжательные формы употребляются чаще всего, определив морфологическую природу составляющих их компонентов, мы переходим к выяснению семантических основ сочетаемости существительных и иных замещающих эти существительные слов в притяжательных конструкциях, которые передают отношения косвенной принадлежности, в сравнении с аналогичными конструкциями прямой принадлежности.

Одни специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам утверждают, что обычно в роли субъекта косвенного обладания выступает «активное существо, способное превращать предметы в свою принадлежность, тем или иным образом осваивать их, то есть прежде всего человек»¹. Допустимыми считались конструкции, где в роли субъекта обладания выступают животные.* Другие специалисты устанавливают и более жесткие ограничения, утверждая, что в косвенно-притяжательных конструкциях в роли субъекта обладания возможны лишь существительные, обозначающие «социальные (или псевдосоциальные) существа». О. П. Суник, посвятивший интересующей нас грамматической форме значительное число работ, по данному вопросу пишет следующее: «...в тех случаях, когда „субъекты принадлежности“ выражены именами, обозначающими не социальные существа (а все прочие предметы), притяжательные конструкции строятся только по ряду органической принадлежности...»² Из этого в своей основе недостаточно обоснованного заключения О. П. Су-

¹ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. I. М.—Л., 1959.

² О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1947, т. VI, вып. 5, стр. 147.

ник делает более обобщающий вывод: «Именно это обстоятельство и дало нам основание выдвинуть и подчеркнуть... первостепенный для понимания грамматической природы противоположных конструкций факт наличия другой классификации, свойственной тунгусо-маньчжурским именам: распределение их на два следующих класса: 1) класс имен (так называемый класс лиц или разумных существ), охватываемый вопросительным местоимением *уй* (*нгуй*)? — ‘кто?’. 2) класс имен (так называемый класс не лиц или неразумных существ, куда входят и неодушевленные предметы), охватываемый вопросительным местоимением *хай*? — ‘что?’»³. В связи с этой классификацией исследователь считает возможным расчленение и притяжательных конструкций на конструкции, выражающие партитивные отношения (т. е. отношение части к целому) и конструкции, служащие «для выражения отношений притяжательных между именами, обозначающими класс лиц (или разумных существ), и именами любого класса, обозначающими в этих конструкциях либо объект принадлежности, либо предикативный признак первого члена конструкции (имени 1-го класса)»⁴. Первые конструкции, по мнению О. П. Суника, образуются с участием имен и первого, и второго классов, вторые — в роли первого члена конструкции используют лишь имена 1-го класса (так называемый класс разумных существ).

К выводу о том, что первым членом косвенно-притяжательных конструкций может быть только слово, обозначающее социальное существо, пришли и многие исследователи других тунгусо-маньчжурских языков⁵. Тем не менее этот вывод доступными нам материалами не подтверждается. Анализ материала показывает, что в роли субъектов обладания в рассматриваемых конструк-

³ О. П. Суник. Из истории грамматического строя тунгусо-маньчжурских языков. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, 1953, стр. 124.

⁴ Там же.

⁵ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка, ч. I. М.—Л., 1960, стр. 147; О. А. Константинова. Эвенкийский язык. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 67; Т. И. Петрова. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1960, стр. 32; Она же. Язык ороков (ульта). Л., «Наука», 1967, стр. 39; В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947, стр. 140; В. И. Левин. Краткий эвенско-русский словарь. Л., 1936, стр. 126.

циях и человек, и животное, и предметы неодушевленной природы выступают на равных правах: нан. *Тотанари гасасал дэуруэнгуэсдиэри Студенаячи ондандамари энэйчи* 'А потом утки с выводками своими на Студеную отправятся плавать' [2]; *Эй Ерёмка гинго-гинго би гирмаксангони биэсини бидерэ* 'Это не Еремкина (кличка собаки) обглоданная кость' [21]; *Тотара индакан мэна бутербродангои хэм сиахани* 'Потом собака свой бутерброд съела' [29]; *Пимэкэди, сингэрэди мэна-мэна уликсэнгуэри пинаси-го-мари омочиари энухэчи* 'Пимэкэн (собств. имя мышонка в сказке) и крыса, унося каждый свое мясо за спиной, отправились в свои норки' [2]; *Ми боаи дуртэнгуни лудди* 'Леса моего края дремучи' [17]; *Апон паксингони кар-мандиадии даи пункуэз агбимбохани* 'Шапочник (букв.: мастер шапки) вынул из кармана большой платок' [36]; ульч. *Гэ, тi бэжи н'и — Василий Тусер, колхоз «Пятилетка» чу улэ бэжи нцэунэ* 'Тот охотящийся человек — Василий Тусер, колхоза «Пятилетка» самый лучший охотящийся человек' [74]; ороц. *Сицэ эки уктэцивэн'и гэм-жэппити* 'Мыши съели все мясо лягушки' [70]; нан. *Эй 1920 айнгани июнь биангодоани бичин* 'Было это в июне месяце 1920 года' [36]; эви. *Колқобст асаңлыңи һайрү үнтөв-да һаңанъдъ јармарқатк'и һерудэур* 'Женщины нашего колхоза шьют перчатки и унты, чтобы повезти их на ярмарку' [69]. Объектом же обладания в приведенных примерах выступают существительные, обозначающие названия частей тела, географические названия и даже социальные существа. Следовательно, классификацию притяжательных конструкций, основанную на распределении первых членов этих конструкций на два класса (класс лиц и класс не лиц) приходится признать неправомерной.

Изредка в качестве первого члена косвенно-притяжательной конструкции выступают субстантивированные причастия: нан. *Ми хисангори паксингони биэсимби* 'Я не мастер говорить' (букв.: говорения) [13].

В вопросительном предложении в качестве первого члена косвенной притяжательной конструкции часто выступают вопросительные местоимения: нан. *Эй уй согдангони?* 'Это чья рыба?'; эвк. *Ни дылицин* 'Чья голова?' [11]; орок. *Нуй улисэунэ?* 'Чье мясо?' [11].

Вторым членом притяжательной конструкции, обозначающим объект обладания, чаще всего выступают

имена существительные; обычно они не имеют характера грамматической завершенности, если оформлены лишь суффиксом косвенной принадлежности. Чтобы приобрести завершенность, эти существительные должны принять в свой состав еще или притяжательный формант, или суффикс формы обладания, а в отрицательной форме обладания — отрицательную частицу, или же суффикс формы совместности.

Следует отметить, что форма косвенной принадлежности употребительна (если не иметь в виду ее несколько особого, относительно более позднего применения в выделительной функции, о чем будет сказано ниже) далеко не со всеми существительными, а лишь с некоторыми их семантическими группами. Впрочем, употребление этой формы определяется не только семантикой существительного, обозначающего объект обладания, но зависит и от семантики первого члена притяжательной конструкции, т. е. слова, обозначающего субъект обладания.

Среди специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам, как уже отмечалось, нет единодушного мнения относительно границ употребления суффикса косвенной принадлежности.

Одни из них считают, что в рассматриваемых языках существует две группы существительных, одна из которых в притяжательных конструкциях получает прямое притяжательное оформление, другая — косвенное. По этому поводу А. Ф. Бойцова пишет: «К первой группе слов относится: вся родственная терминология, названия частей тела, домашних животных (олень, собака), орудий производства (ружье, топор, лодка и др.), одежды и домашней утвари. Дорога также относится к первой группе, по-видимому потому, что она осмысливается как след; к первой группе относится также *бууа* 'место', 'район', 'страна', 'мир'»⁶. Существительные, получающие косвенно-притяжательное оформление, автором в какие-либо четкие семантические группы не объединяются. Указывается лишь, что сюда относятся существительные, связанные с такими предметами, «которые приобретаются извне или находятся во временном пользовании, предметами, могущими принадлежать не только мне и кол-

⁶ А. Ф. Бойцова. Категория лица в эвенкийском языке. стр. 138.

лективу, членом которого я являюсь (семья и пр.), но и другим предметам, которые оказываются в моем пользовании благодаря тому или иному обстоятельству»⁷. Далее автор приводит примеры с употреблением существительных в косвенно-притяжательном оформлении, обозначающих названия диких животных, географические названия, названия продуктов питания и социальных существ.

К подобным выводам еще раньше, в 1931 г., пришел В. Г. Богораз. Он также выделяет два класса слов, способных принимать прямое и косвенное притяжательное оформление. К первому классу он относит слова, «обозначающие степени родства, части человеческого тела и, далее, предметы личного употребления: обувь, одежду, оружие, также жилище, скот и т. д.». Ко второму классу он относит слова, обозначающие те предметы, «владение которыми имеет более отдаленный характер, напр. объекты охоты и других промыслов, предметы торговли и т. д.»⁸.

Другие исследователи считают, что косвенно-притяжательное оформление может получать любое имя существительное. Так, В. И. Цициус пишет: «Говоря вообще, любое существительное в эвенском (равно и в других тунгусо-маньчжурских языках) может употребляться как в форме простого, так и в форме относительного притяжения»⁹.

Такого же мнения придерживается в своих работах О. П. Суник: «...в нанайском почти любое имя может получать двойное притяжательное оформление, и с афф.-нгу- и без него»¹⁰. В другой своей работе О. П. Суник пишет: «Предпринятый нами анализ материалов нанайского языка убеждает в том, что вышеочерченные рамки двойного притяжательного оформления имен (независимо от их классовой принадлежности) должны быть значительно уточнены. Исходя из чисто формальных признаков, следовало бы признать, что все имена (не только существительные, но также и прилагательные, и числитель-

ные) могут быть притяжательно оформлены как по ряду отчуждаемой, так и по ряду неотчуждаемой принадлежности, ибо зависит это не только от класса имен, выражающих объекты принадлежности, но в такой же мере и от того, кому или чему принадлежит тот или иной объект, т. е. это зависит также от субъекта принадлежности — обладателя»¹¹.

Следует отметить, что позиция О. П. Суника в отношении к рассматриваемому вопросу не до конца последовательна. Так, наряду с приведенной концепцией в тех же его работах, мы находим высказывания совершенно противоположного характера: «Может возникнуть вопрос, следует ли вообще говорить о двух классах слов, деля их по принципу притяжательного оформления, если каждое из них может получать оформление и по одному и по другому классу? Несомненно, следует. Отказаться от деления слов на два указанных класса было бы ошибкой. Хотя, как указано, каждое из слов может быть притяжательно оформлено двумя способами, но независимо от того, к какому из классов принадлежит это слово, значение притяжательной конструкции может меняться самым коренным образом. Сравним, например, нан. *ми инда-и* 'моя собака' и *ми энгурби* 'я волк'. Одинаковые притяжательные оформления при различной классовой принадлежности слов (*инда* 'собака' — класс предметов неотчуждаемой принадлежности; *энгур* 'волк' — класс предметов отчуждаемой принадлежности) — дают совершенно различные значения сравниваемых конструкций. Сравним те же слова, оформленные с помощью афф.-нго-, -нгу: *ми инда-нго-и* 'мое нечто, относящееся к собаке', *ми энгур-нгу-и* 'мой волк'.

Таким образом, деление слов на два указанных основных класса необходимо сохранить. Следует также сохранить и выделение особой нейтральной или промежуточной группы слов, принадлежность которых к тому или другому классу должна решаться всякий раз различно в зависимости от субъекта обладания. К числу таких слов должны быть отнесены такие слова, как: голова, рука, нога, хвост, мозг, шерсть, лист, сук, чешуя, перо и многие другие, т. е. названия частей некоего целого»¹².

⁷ А. Ф. Бойцова. Указ. соч.

⁸ В. Г. Богораз. Материалы по ламутскому языку. «Тунгусский сборник», т. II., 1931, стр. 41.

⁹ В. И. Цициус. Очерк грамматики эвенского языка. Л., 1947, стр. 140.

¹⁰ О. П. Суник. Очерки по синтаксису тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1947, стр. 186.

¹¹ О. П. Суник. О категории отчуждаемой.... стр. 444.

¹² О. П. Суник. Очерки по синтаксису...., стр. 186—187.

Если на предыдущих страницах приводились высказывания О. П. Суника о том, что «различие в оформлении выражения принадлежности зависит не только от характера объекта принадлежности..., но в такой же степени и от субъекта обладания»¹³, то здесь он сам утверждает, что слово *инда* 'собака' относится к классу предметов неотчуждаемой принадлежности, а слово *енгур* 'волк' — к классу отчуждаемой принадлежности, что не совсем правильно; т. к. мы можем судить о принадлежности указанных слов к тому или иному классу лишь в том случае, если они находятся в составе притяжательной конструкции и, следовательно, если нам известен субъект обладания.

Выдвигая положение о том, что любое существительное способно принимать косвенно-притяжательное оформление, О. П. Суник привлекает к рассмотрению и группу слов, которую специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам считают неупотребительной в косвенно-притяжательной форме. По поводу этой группы существительных О. П. Суник пишет: «не исключено также притяжательное оформление этих слов по типу слов класса отчуждаемой принадлежности, хотя практически такое употребление встречается, по-видимому, крайне редко...: *Ми амим-би* 'мой отец', *ми ами(н)-нго-и* 'мое нечто, принадлежащее или связанное с отцом' — 'мое отцовское'; *ми эним-би* 'моя мать', *ми эни(н)-нгу-и* 'мое нечто, принадлежащее, связанное с матерью' — 'мое материнское'; *ми морим-би* 'моя лошадь', *ми мори(н)-нго-и* 'мое нечто, принадлежащее, относящееся к лошади' — 'мое лошадиное'; *ми инда-и* 'моя собака', *ми инда-нго-и* 'мое нечто, относящееся к собаке' — 'мое собачье'; *ми огда-и* 'моя лодка', *ми огда-нго-и* 'мое нечто, относящееся к лодке' (ее части принадлежности и т. п.); *ми кучэм-би* 'мой нож', *ми кучэ(н)-нгу-и* 'мое нечто, относящееся к ножу'; *ми тэтуэ-и* 'моя одежда', *ми тэтуэнгу-и* 'мое нечто, относящееся к данной одежде (пуговицы, карманы, рукава и т. п.); *ми дэг-би* 'мой дом', *ми дэ-нго-и* 'мое нечто (или все), относящееся к дому' и т. п.¹⁴

Перевод для приведенных слов с суфф. *-нго/-нгу* даваемый О. П. Суником, позволяет считать эти формы

скорее предикативно-притяжательными, образующимися в нанайском литературном языке при помощи суфф. *-нги(-нги/-нги)*. Кроме того, если бы здесь формант *-нго/-нгу* был употреблен в функции суффикса косвенной принадлежности, то приведенные сочетания должны были бы переводиться соответственно: 'мой отец' и 'мой отец (принадлежность которого ко мне носит относительный, условный характер)'; 'моя мать' и 'моя мать (принадлежность которой ко мне носит условный характер)'; 'моя лошадь' и 'моя лошадь (принадлежность которой ко мне носит условный характер)' и т. п. Иначе говоря, различие в переводе конструкций с суфф. *-нго/-нгу* и без него должно выражаться лишь в том, что в первых конструкциях характер принадлежности предмета субъекту обладания носит условный, относительный, неорганический характер, тогда как во вторых — принадлежность предмета субъекту обладания носит прямой, неотчуждаемый, органический характер. Служить же выразителем признака названного предмета, как это получилось у О. П. Суника, суффикс косвенной принадлежности у имен существительных не может.

К отождествлению суффикса косвенной принадлежности и предикативно-притяжательного суффикса пришли в свое время некоторые специалисты по эвенкийскому языку (Г. М. Василевич, В. А. Горцевская). Этому отождествлению способствовал в значительной мере тот факт, что в эвенкийском языке рассматриваемые формы омонимичны. Однако ставить знак равенства между ними на основании одного лишь материального совпадения нельзя, поскольку функции этих форм не имеют ничего общего. Суффикс косвенной принадлежности, как уже указывалось, оформляет существительное, обозначающее предмет обладания и показывает условный, относительный характер принадлежности; в составе притяжательной конструкции слово, оформленное этим суффиксом, употребляется в функции определяемого по принадлежности. Существительные же, оформленные предикативно-притяжательными суффиксами, являются в предложении предикативными определениями по принадлежности. Иначе говоря, суффикс косвенной принадлежности оформляет существительное, обозначающее предмет обладания, предикативно-притяжательный суффикс оформляет существительное, обозначающее обладателя. Не совпадают и

¹³ О. П. Суник. Очерки по синтаксису..., стр. 71.

¹⁴ Там же, стр. 184—185.

остальные синтаксические функции существительных, оформленных суффиксом косвенной принадлежности, и существительных в предикативно-притяжательном оформлении, а именно: первые в отличие от вторых не могут быть обособленными определениями, не употребляются заместительно.

Таким образом, аргумент О. П. Суника в пользу того, что в нанайском языке любое имя существительное может выступать в косвенно-притяжательном оформлении, следует признать недостаточно обоснованным.

Подобное рассмотренному выше мнению О. П. Суника по этому вопросу разделяет и К. А. Новикова. В работе «Очерки диалектов...» она пишет: «...два способа притяжательного оформления охватывают в ольском говоре все имена, за исключением служебных слов. Притяжательные словосочетания со служебными словами могут быть оформлены только по ряду органической принадлежности». Несмотря на этот вывод, К. А. Новикова сочла необходимым описать круг слов, употребляемых в прямом и косвенном притяжательном оформлении.

Некоторые исследователи (В. И. Левин, Е. Р. Шнейдер, В. А. Аврорин, О. А. Константинова) при описании формы косвенной принадлежности считают необходимым выделение семантических групп существительных, способных принимать оформление суффиксом косвенной принадлежности. Аврорин, например, отмечает, что «...при решении вопроса об употреблении двух видов притяжательных форм имеет значение семантика как первого члена притяжательного словосочетания, так и второго»¹⁵.

Действительно, в зависимости от употребления суффикса косвенной принадлежности с различными семантическими группами существительных, последние могут быть разделены на три больших класса. Следует еще раз напомнить, что пока мы сознательно оставляем в стороне вторичную функцию рассматриваемой формы — выделительную.

Первый класс включает в себя существительные, которые с суффиксом косвенной принадлежности обычно не употребляются. Существительные этого класса могут быть разделены на определенные семантические группы

Первую такую группу составляют существительные, обозначающие отношения родства и близкие к ним отношения. Существительные этой группы, независимо от семантики первого члена притяжательной конструкции, получают прямое притяжательное оформление, так как их семантические особенности не дают возможности употребления их в форме косвенной принадлежности. Сюда могут быть отнесены такие слова, как: нан. *амин* 'отец', *энин* 'мать', *аг* 'старший брат', *эйкэ* 'старшая сестра', *дамин* 'дедушка', *данин* 'бабушка', *эксэн* 'дядя', *гусин* 'дядя', *дада* 'тетка', *гугу* 'тетка', *гамасун* 'племянник', *эукэ* 'невестка', *ходё* 'зять', *ангна* 'свекор', *энгэ* 'свекровь', *кэли* 'свояк', *бэнэр* 'племянник, племянница' и т. п.

Естественно, что первым членом притяжательной конструкции, обозначающим субъект обладания, в этом случае могут быть лишь слова, обозначающие социальные существа, у каждого из которых имеется совершенно определенный, только им свойственный круг родственных связей и обозначающей их номенклатуры; это исключает употребление существительных рассматриваемой группы с суффиксом косвенной принадлежности. О подобном явлении свидетельствуют материалы и исследования по другим тунгусо-маньчжурским языкам.

Во вторую семантическую группу существительных этого же класса входят слова, обозначающие пространственные отношения: нан. *до* 'внутренность, пространство внутри чего-либо', *оя* 'поверхность, пространство над чем-либо', *порон* 'верх, макушка', *суэ* 'вершина (чего-либо)', *хамиа* 'задняя часть (чего-либо)', *дюлиэ* 'пространство перед чем-либо, перед (чего-либо)', *холдон* 'бок, боковая сторона (чего-либо)', *кира* 'край (чего-либо)', *пэгиэ* 'низ, нижняя часть (чего-либо)' и т. п.

Особенность существительных этой группы заключается в том, что они употребляются в притяжательных конструкциях, первыми членами которых чаще всего являются существительные, обозначающие предметы, форма и местоположение этих существительных поддаются измерению. Притяжательная связь между членами подобной конструкции должна быть только прямой, органической, неразрывной.

Третью семантическую группу существительных рассматриваемого класса составляют слова, обозначающие

¹⁵ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 158.

предметы, которые самым непосредственным образом входят в быт человека, составляют неотъемлемые принадлежности его существования. Сюда прежде всего следует отнести существительные, обозначающие названия предметов личного обихода, орудий труда, одежды, обуви, оружия, средств передвижения, домашней утвари, нан. *даи* 'трубка (курительная)', *сигдинун* 'расческа', *хонян* 'ложка', *чэвэ* 'лопата', *хурмэ* 'игла', *хонянтон* 'наперсток', *сиру* 'напильник', *гиол* 'весло', *адоли* 'сеть', *гого* 'крючок', *анга* 'сеть для подледного лова', *багба* 'пешня', *яоко* 'женский нож', *нэжсун* 'деревянный молоток, которым мнут кожу', *амири* 'халат из рыбьей кожи', *балдан* 'баранья шуба', *пэру* 'штаны', *доктон* 'чулки', *качама* 'рукавицы', *сиантун* 'наушники', *пунку* 'пласток', *ота* 'обувь', *миочан* 'ружье', *гида* 'копье', *лохон* 'сабля', *чакпан* 'острога', *токи* 'нарты', *оода* 'лодка', *соксилта* 'лыжи', *пара* 'сани', *ямон* 'подвода', *дэра* 'стол', *бандан* 'скамья', *накан* 'нары', *тази* 'полка', *хачохан* 'котел', *алтама* 'таз', *алио* 'посуда', *полта* 'одеяло' и т. п.

К этой же группе следует отнести существительные, обозначающие жилища, вспомогательные постройки и т. п., например: нан. *дэ* 'дом', *аонга* 'балаган', *гиасэ* 'забор', *гиалако* 'комната' и т. п.

Каждый из этих предметов является объектом обладания человека, причем обладания, имеющего характер личной принадлежности, личного пользования, а потому хотя такой объект практически и может поступать в распоряжение кого-то иного, но полностью не отчуждается. За этим, несомненно, скрывается существовавший некогда чисто натуральный характер хозяйства.

Четвертую семантическую группу существительных того же класса составляют предметы, которые естественным образом связаны с другими предметами, являющиеся их составными частями, например: нан. *гуйчэ* 'крыша', *пава* 'окно', *уйкэ* 'дверь', *дяпако* 'ручка', *кэндэрхи* 'порог (в доме)', *угбэн* 'порог (на реке)', *токлон* 'лестница', *курэн* 'дымоход', *булин* 'фитиль', *хулиэн* 'тетива', *падиран* 'стена' и др. Принадлежность некоторых из этих предметов практически может быть переадресована к другим субъектам обладания, например: наряду с *уйкэни* 'дверь дома' можно сказать *буэ уйкэну* (не *уйкэну*!) 'наша дверь', но семантические особенности суще-

ствительных названной группы делают излишним употребление их в форме косвенной принадлежности во втором примере, поскольку и без такого оформления ясно, что перечисленные и им подобные предметы никак не могут являться органическими частями этих «других субъектов».

В пятую семантическую группу входит ряд существительных отвлеченного значения: нан. *гобу* 'почет', *бин* 'жизнь', *кайран* 'жалость', *гасан* 'сожаление', *кусулэн* 'труд', *кэси* 'счастье', *агданси* 'радость', *моран* 'крик' и т. п.

Существительные этой группы не получают оформления суффиксом косвенной принадлежности потому, что их семантика исключает возможность противопоставления прямой и косвенной принадлежности.

Особенностью всех семантических групп существительных этого класса является то, что они практически никогда не получают оформления суффиксом косвенной принадлежности. Все эти существительные обычно употребляются в прямом притяжательном оформлении независимо от семантики первого члена притяжательной конструкции, обозначающего субъект обладания.

Приведенное положение характеризует все тунгусо-маньчжурские языки, в которых различаются два вида принадлежности — прямая и косвенная. Например: нан. *Туй би-дэ чу мурунку оду, онголо довани. муэ-дэ довани сирикачиру* 'Ты должен стать очень умным, прячься внутри дупла и в (внутри) воде'; *Энини нэанчиани мэ-дэсилухэни* 'Ее мать начала ее расспрашивать'; *Ми-тэни амимби вахан байгоамба гэлэмэчиндэгуригэ мурупсинким-би* 'А я задумала пойти отыскать врага, который убил моего отца' [22]; *Талеко, мангади эрисими, аонгачии тутуми игухэни* 'Запыхавшись, Талеко вбежал в свою юрту'; *Талеко Тенмау эксэмби намичахани бими, нэани индава эчэ варани* 'Талеко уговорил своего дядю Тенмау, и он не убил щенка'; *Дюкэ диралани хорин эмун сантиметрба-да исихани...* 'Толщина льда достигла двадцати одного сантиметра' [26]; *Ильич миочамби тугебугухэни...* 'Ильич опустил свое ружье...'; *Си тэй хаосамба почта яшикачиани гидалангаси-тани* 'Тогда ты опустил бумагу в почтовый ящик (букв.: в ящик почты)'; *Нэани паролод палубани оялани илисихани* 'Он стоял на палубе (букв.: на поверхности палубы) парохода' [36]; *Дэжани гуйчэни*

балана няхани 'Крыша его дома давно сгнила'; Сагди дамини никтэрэмби уручигилэйни 'Его старому деду придется растить своего внука'; Гэ, си кэсиси. — Ерёма инэктэми унди бичини 'Ну, твое счастье, — говорил Ерема, посмеиваясь'; Богач хуйгэ уйжэ нихэлхэни 'Богач отворил свою тяжелую дверь' [21]; ороц. Эжин'и гунэин'и 'Старшая сестра его говорит'; Би зүббидбн'и оккила очин'и 'В моем доме стало опасно'; Амин'и хитэи эмучи хэн'и, эн'ин'и апицкин'и, токкичиган'и — хитэни унталэи, апулэи, тэггэлэи, көктолэи, сүжикталэи, тадалэи, бэйлэи гэлэин'и. 'Однажды отец (его) качал своего сына, а мать (его) легла спать и видит во сне, что сын ее просит сделать ему обувь, шапку, одежду, рукавицы, лыжи, стрелы и лук' [70]; эвенк. Нунгартын аги дянкадун дэрүмжичэлтын 'Они сели отдыхать у края тайги'; Гулэ трубадукин хэпкэмэ сангян сангнядячан 'Из трубы дома шел серый дым'; Нгонимилва гурумилви тэтчэн, согилмави согилмалачан, тадук гулэдукви ючэн 'Обулся в высокие камусы, надев пыжиковую дошку и вышел из своего дома' [51].

Второй класс охватывает существительные, обозначающие предметы, принадлежность которых субъекту обладания может носить как косвенный (отчуждаемый, условный, относительный) характер, так и прямой (неотчуждаемый, органический). В первом случае существительное, обозначающее предмет обладания, оформляется суффиксом косвенной принадлежности, во втором — этот формант не употребляется. Существительные этого класса в свою очередь подразделяются на семантические группы.

В первую семантическую группу могут быть объединены существительные, обозначающие различные органы или части организма: нан. дили 'голова', бэгди 'нога', нуктэ 'волосы', насал 'глаза', сиан 'ухо', опоро 'нос', монгон 'шея', сумул 'жила', игэ 'мозг', кома 'железудок', хуйгу 'хвост', миаван 'сердце', сингму 'язык', хэутэ 'легкие', пэмун 'губа', дэрэл 'щека', пэе 'лоб', пэйнгэн 'колено', нирикта 'хребет', 'позвоночник', омокта 'яйцо', па 'печень', уликсэ 'мясо', сэксэ 'кровь', гирмакса 'кость', симуксэ 'жир', силтэ 'желчь'. Сюда же можно отнести существительные, обозначающие вещества, вырабатываемые организмом, например: нан. нимокта 'слезы', ниакса 'гной', чиэн 'моча', хойкса 'пена', нисээнги 'пот' и т. д.

Приведенные имена существительные оформляются суффиксом косвенной принадлежности лишь в тех случаях, когда возникает необходимость передать косвенный характер принадлежности субъекту обладания обозначаемых ими предметов. Субъектом обладания косвенно-притяжательных конструкций при этом выступают одушевленные существа, которые могут обозначать и людей, и животных, поскольку предметы данной семантической группы могут находиться в условной принадлежности как к тем, так и к другим: например: нан. Олгиан симуксэнгуси хони-да би-дэ балачи 'А свиное сало (твое) все-таки старое' [24]; Жучка... мэнэ гирмаксангои чиндагани 'Жучка... свою кость выпустила' [19]; эвенк. Тадук нехэцилээр авужсал, Гарпавулчан бу алаи цэнэхинчэтын 'Омыв пот, они отправились в места Гарпавулчана' [39]; ороц. Бу икохому лалава нуцаты умуксэцити ана 'Мы сварили кашу без их жира' [1]; Инаки доббо гамди хакицилму зэпити 'Ночью собаки сожрали всю нашу печень' [1].

Когда существительные обозначают предметы, являющиеся органической частью самого субъекта обладания, то суффикс косвенной принадлежности отсутствует, например: нан. соли дилини 'голова лисы', то бэгдини 'нога лося', мапа хэутэни 'легкое медведя', мапа миавани 'сердце старика', арчокан сэксэни 'кровь девочки' и т. п.

Вторую семантическую группу существительных этого же класса составляют слова, которые обозначают предметы, относящиеся к категории лица. Сюда можно отнести слова, обозначающие названия профессий, некоторые социальные термины, возрастные названия людей и т. п. К числу таких слов принадлежат: нан. мама 'старуха, жена', мапа 'старик, муж', наондэкан 'юноша', мэргэн 'герой', эктэ 'женщина', элчи 'слуга', дярисо 'певец', эден 'хозяин', амбан 'черт', байгоан 'враг', модян 'плотник', пакси 'мастер', саман 'шаман', батор 'богатырь', вайчамди 'охотник', нимэн 'сосед', холамди 'читатель', чтец, дянгван 'начальник' и т. п.

Особенность этой семантической группы существительных заключается в том, что первым членом притяжательной конструкции, т. е. субъектом обладания, здесь чаще всего является опять-таки социальное существо. В этом случае существительное, обозначающее предмет

обладания, должно быть оформлено суффиксом косвенной принадлежности, который указывает на косвенный, условный характер принадлежности: нан. *Гэ, ичэусу мэнь амбанговари!* 'Ну, смотрите на своего черта!'; *Табанки Пимэжэн мэнь паталангобии мориндиари нямямари энэхэчи* 'После этого Пимэжэн вместе со своей девушкой поскакали на конях' [2]; *Буэ танкистасалгону чу бонгону Ленин памятникавани ичэхэчи* 'Первое, что увидели наши танкисты, — это памятник Ленину' [36]; эвен. *Таръя орил'эр, асйңъат'ын нодъя, нуркыңыл'т'ын чақтыл* 'Женщины у тех кочевников красивые, парни — смелые'; *Өжин'эз гонни асаңъатк'и'и* 'Уиндя сказал тем своим женщинам'; *Ноңын нутыңын чақты и'арй* 'Его сын (букв.: ребенок) — ловкий мальчик' [69]; орок. *Ча хотонду ээ(и) гивади паталаңулу битчини* 'В том городе царь, имеющий единственную дочь, жил'; *Мамаңуни итэутэлэчи* 'Жена (букв.: старуха) его стала искать'; *Гетта маңгаңуни муротчихани* 'Богатырь (из рода) Гетта думал' [71].

Следует отметить, что возможности употребления существительных в качестве выразителей субъекта обладания, обозначающих животных и даже неодушевленные предметы, не исключены и здесь, хотя эти возможности несколько ограничены, например: нан. *Симбирскэй гимназия дянгангодовани выговорба бухэчи бичин* 'Начальству симбирской гимназии был объявлен выговор' [30]; *Советской Союз Геройингони Михаил Водопьянов* 'Герой Советского Союза Михаил Водопьянов' [15]; эвенк. *Мит уранкай аҕи бэйэҕин* 'Мы, уранкай — люди тайги' [63].

Оформление суффиксом косвенной принадлежности существительного, обозначающего предмет обладания, происходит во всех случаях, когда необходимо подчеркнуть косвенный характер принадлежности, независимо от того, является первый член притяжательной конструкции «социальным» или не является. Как правило, существительные этой семантической группы, находясь в составе притяжательной конструкции, получают оформление суффиксом косвенной принадлежности, т. е. притяжательным формантам у них предшествует суфф. *-нго /-нгу*. Если же характер принадлежности для понимания смысла предложения особой роли не играет, то существительные, обозначающие предмет обладания, суффиксом

косвенной принадлежности не оформляются, например: эвенк. *Советской страна итыгадачан, мэньгэчи ученайви юбилейээн торжественнит праздновайдави* 'Советская страна готовилась торжественно отпраздновать юбилей своего ученого'; *Большевикил партиятын минэвэ синдулэ унҕчэн — синни бэлэнин одав* 'Партия большевиков направила меня к вам — быть вашим помощником' [55].

Прямое притяжательное оформление получают существительные этой семантической группы и в том случае, если последние обозначают предмет, составляющий часть некоего целого, например: нан. *школа учительни* 'учитель школы', *колхоз согдамдини* 'рыбак колхоза', *бригада паксини* 'мастер бригады' и т. п.

В третью семантическую группу имен этого же класса входят слова, обозначающие названия растений или их составных частей, названия деревьев, кустарников, плодов, ягод: нан. *мо* 'дерево', *уржтэ* 'прут', *паякта* 'сено', *дижтэ* 'чумиза', *хасикта* 'ель', *сиучихин* 'шишка', *синулиэктэ* 'груша', *мукултэ* 'виноград', *амтака* 'ягода', *кэжукэи* 'цветок', *сиси* 'лиственница', *хабдата* 'листья', *гара* 'сук', 'ветка', *горакта* 'кора', *дачан* 'корень', *муиктэ* 'мелкие корни' и т. п.

В притяжательной конструкции перечисленные существительные оформляются суффиксом косвенной принадлежности в том случае, если их принадлежность к субъекту обладания является условной, косвенной. Субъектом обладания этой семантической группы существительных может быть человек, животное, а в некоторых случаях растение же. Но и в последнем случае предмет обладания не является органической частью субъекта обладания, т. е. принадлежит ему косвенно: нан. *Эй ми монгои бизсини гонни* 'Да ведь это не мое дерево' [36]; *Си хасиктакансалгоси урэйчи* 'Твои елочки вырастут' [24]; *Хэрэдекэ амтаканговани энэрэ сияхачи* 'Ягоду лягушки они пошли и съели' [2]; *Эй си сиучихингудуэсэй амтала бини* 'Это повкуснее будет твоих (имеется в виду белка) шишек' [24]; эвенк. *Ilan amjaniduk iraktəgməsun gəgdaʒiŋəw. jaɣuraʒeɣən, nolturaʒeɣən.* 'Через три года лиственницу вашу ударю так, что сломается, развалится' [39]; *Сегикатчэрэксун-дэ, чукаңисун оланигин!* 'Пока коньками растет, трава ваша пусть завянет!' [63]; эвен. *Тэстэнгэнтэ чулбарган. Умта-*

амоан создатани 'рыба озера', 'озерная рыба', *намо кинчани* 'чайка моря', 'морская чайка', *аодан солини* 'лисица луга', 'луговая лисица' и т. п.

У существительных, обозначающих названия домашних животных, в большинстве тунгусо-маньчжурских языков принадлежность человеку обычно также выражается средствами прямого притяжения, поскольку они непосредственным образом входят в быт человека, например: нан. *Сингэрэнгуэси кэскэи варини бидерэ* 'Твою крысу моя кошка, навернсе, убивает' [2]; *Понгсана моримбари паяктанговани посиндалачи* 'Понгса и его семья всехали косить сено для своего коня' [4]. Действительно, рассматриваемая группа слов в языках эвенкийском, эвенском, негидальском, ульчском, орокском и ороческом должна быть отнесена к числу имен первого класса. В этих языках имена существительные, обозначающие названия домашних животных, получают только прямое притяжательное оформление.

Но для нанайского и удэгейского языков это положение не будет до конца последовательным, поскольку в нанайском языке отмечены случаи, когда принадлежность домашних животных человеку выражается средствами косвенного притяжения: *Уседом тотаниа мэндуй гой нямняго морингогой гачини* 'Уседом потом купил себе другую лошадь'; *Олгиакангой минду буру* 'Дай мне своего поросенка'; *Морингоси-ка лавой?* 'Который твой конь?'; *Хусэ ихангой ми чу улэи хонингобиива дюэчиру* 'Поменяй своего вола на лучшего моего барана' [25]; *Буэ кэксэнгуну хамача-да ебэ анани* 'Наша кошка никуда не годится' [19].

В удэгейском языке, как сообщает Б. Р. Шнейдер, «... с помощью суффикса *-yi* (*-yi*) образуются притяжательные формы имен — названия представителей фауны (в том числе и домашних животных, за исключением собаки), флоры и предметов неорганической природы...» [1]. Это явление, по всей вероятности, можно объяснить сравнительно недавним проинкивоением домашних животных в быт этих народов, занимавшихся в прошлом лишь охотой и рыболовством. Единственным домашним животным у этих народов была собака, и принадлежность ее челове-

¹⁷ Б. Р. Шнейдер. Краткий удэгейско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936.

ку во всех тунгусо-маньчжурских языках (в том числе в нанайском и удэгейском) выражается средствами прямого притяжения. С прочими же названиями домашних животных дело обстоит в разных языках по-разному.

Пятую семантическую группу существительных второго класса составляют географические названия. Сюда можно отнести следующие слова: нан. *хурэн* 'гора', *зонко* 'утес', *мангбо* 'река', *биран* 'ручей', *дуэнтэ* 'тайга, лес', *намо* 'море', *нярон* 'болото', *на* 'земля, почва', *аодан* 'луг', *амоан* 'озеро', *боа* 'вселенная, мир, местность', *боачан* 'остров', *хэвэи* 'залив', *да* 'устье', *кира* 'опушка, берег' и т. п.

Чтобы выразить принадлежность предмета данной семантической группы социальному существу, животному, а иногда и неодушевленному предмету, существительное, обозначающее данный предмет, должно получить косвенно-притяжательное оформление. Оформлением суффиксом косвенной принадлежности и здесь указывает на временный, условный, относительный характер принадлежности данного предмета субъекту обладания, например: нан. *Тэй най албан дуэнтэнгуэни этуэни*. 'Этот человек охранял лес государства'; [36]; *Ми боаи дуэнтэнгуну лугди* 'Леса моего края дремучи' [17]; *Мана мэиэ дуэнтэнгунуи* 'Пусть медведь идет в свою тайгу' [27]; *Украина тэнг даи мангбогонн — Днепр* 'Главная река Украины — Днепр' [12]; *Буэ странану чу баян*. *Нёани дуэнтэнгудуэни эгди усэлтэ, нёани нангодоани эгди айсин* 'Наша страна самая богатая. В ее лесах множество зверя, в ее недрах много золота' [17]; эвенк. *Тадук-ка семьянунми Герасимовкала конггиладярлдула Урал дуннэнгилдулэн эмэчэн* 'А потом переехал с семьей в Герасимовку на пустующие земли Урала' [50]; *Нуцартын Олокино дэрэндиин эмэчл бэйэл бичэтын*. 'Они были пришлыми людьми с вершин Олёмкы' [62]; *Эр-ты нунган мэингиливи дуннэнгудуливи нгэнэмчэн* 'И вот он отправился путешествовать по своему краю' [55].

Употребляются существительные этой семантической группы и в прямой притяжательной форме, если требуется выразить их отношение к территориальным же понятиям, к более обширному целому или к собственному их наименованию. Например: нан. *нярон аодани* 'луг болота', 'болотный луг'; *хурэн хэвэни* 'озеро горы', 'горное озеро'; *хурэн дуэнтэни* 'тайга горы', 'горная тайга'; *мангбо*

боачани 'остров реки', 'речной остров'; *хурэн хонкони* 'утес горы', 'горный утес'; *Болан хэвэни* 'Болонское озеро', *Маи хонкони* 'утес Маи' и т. п.

В шестую семантическую группу существительных второго класса входят слова, обозначающие названия различных веществ: нан. *дяхар* 'галька', *хоромса* 'пепел', *сиян* 'песок', *айсин* 'золото', *тохала* 'глина', *дюжэ* 'лед', *хаосан* 'бумага', *боракта* 'кремень', *окто* 'порошок', лекарство, *дэло* 'камень', *сэлэ* 'железо' и т. п.

Неорганическая принадлежность предметов этой семантической группы субъекту обладания, в частности человеку, выражается косвенно-притяжательной формой: нан. *Эрдэнэ, маси октонголаси хайди симбиез баниалагодямби?* 'Интересно, чем тебя за твоё сильное лекарство благодарить?' [35]; *Хайду айсингоси биши?* 'Где твоё золото?' [25]; *Эйневэ джэнгуну тойнга километрба энхэни.* 'Сегодня наша льдина прошла пять километров' [15]; эвенк. *Курбэлтун курбэлтун гараидэйкэ* 'Курбэлтун бросил свою глыбу'; *Гё бодатёр кадаричтени уркэвэ нйчэ.* 'Второй богатырь глыбой (своей) открыл дверь' [63]; ороц. *Мэггэгдэ, тэй мапача, одуками, золоцилати цэнхэн и* 'Герой пошел к камню (их), не обращая внимания на старика'; *Тэй сэлэниви багхани* 'То железо (свое) поискал' [70].

Оформление существительного, обозначающего объект обладания, суффиксом косвенной принадлежности определяется опять-таки характером соотношения между субъектом и объектом обладания. Мы разбирали случаи, когда суффикс косвенной принадлежности указывал на то, что данные вещества не являются составной, органической частью их обладателя, а являются приобретёнными. Когда же объект обладания является органической частью субъекта обладания, то существительное, обозначающее предмет обладания, получает прямое притяжательное оформление, например: нан. *нутэ октони* 'порошок серы', *ёсо сэлэни* 'железо замка', *нава таохани* 'стекло окна', *дангса хаосани* 'бумага книги', *намо сияни* 'песок моря', *мангбо дяхарни* 'галька реки' и т. п.

В той же семантической группе существительных рассматриваемого класса находятся слова, обозначающие названия продуктов питания и различных блюд: нан. *депури* 'пища, продукты'; *бианси* 'пельмени', *силэ* 'бульон', *силон* 'шашлык', *опа* 'мука', *дижтэ* 'чумиза', *лала* 'каша', *дамахи* 'табак', *араки* 'водка', *эни* 'лепешка', та-

ла 'кушанье из свежей рыбы', *сиата* 'сахар'. Сюда же относятся существительные, заимствованные из русского языка: колбаса, конфета, бутерброд, хлеб, молоко, пирог, консервы и т. п.

При выражении неорганической принадлежности предметов этой семантической группы существительных субъекту обладания последние оформляются косвенно-притяжательными формантами. Субъектом обладания предметов рассматриваемой семантики может выступать любое одушевленное существо: нан. *Тотара Ваня энэнгуэни гэсэ сиязачи* 'Потом вместе съели лепешку Вани' [2]; *Гэ, Иван Дмитриевич, биансингоси хони такани?* 'Что, Иван Дмитриевич, пельмени-то твои куда делись?' [15]; *Тотара индакан мэнь бутербродангои хэм сиара...* 'Потом собачка свой бутерброд весь съела...' [29]; эвенк. *Бурдункичэ-да манавдяран* 'И мука (моя) уже кончилась'; *Тар эмкэсэ, нунан чайичи умуллан* 'Придя, он начал пить чай (свой)' [63]; эвен. *Ноцён өмэккэн зэл'эцгэ гэлэттөттэн* 'Он один ищет себе пищу'; *Өръя д'эризуур, тэбэк'ингэуур қол'эйилр'* 'Обрадовавшись, стали глотать табак (свой)' [69].

Существительные интересующей нас семантической группы принимают прямое притяжательное оформление в том случае, если они обозначают предметы, составляющие органическую часть их субъекта обладания: нан. *чай сиатани* 'сахар чая', *согдата силэни* 'бульон рыбы', 'рыбный бульон', *хлеб опани* 'хлеба мука', 'хлебная мука'; *бутерброд колбасани* 'колбаса бутерброда', 'бутербродная колбаса' и т. п.

В седьмую семантическую группу входят существительные, обозначающие различные промежутки времени. Их условная принадлежность субъекту обладания выражается оформлением существительного суффиксом косвенной принадлежности. В эту семантическую группу входят слова: нан. *айнгани* 'год', *биа* 'месяц', *ини* 'день', *долбо* 'ночь', *сиксэ* 'вечер', *чими* 'утро', *эрин* 'время', *боло* 'осень', *туэ* 'зима', *ненгэ* 'весна', *дэа* 'лето' и т. п.

Субъектом обладания этой семантической группы существительных могут выступать социальные существа, животные и неодушевленные предметы, например: нан. *Буэ ичингуну мэнь удурдии бидерэ!* *Буэ долбонгону мэнь биалтондии бидерэ!* 'Наши дни самыми солнечными будут! Наши ночи самыми лунными будут!' [17]; *Эси буэ зернонгопу мэнь боло эрингуи сивэндини.* 'Сейчас наше зерно

проводит свое осеннее время' [31]; эвенк. *Би сэвэки инэуиңдун акантя ашин эмэбум* 'В праздничный день (букв. в день бога) я остался без печени' [1]; *Сэвденчу май тырганициги оран*. 'День настал веселый мая' [57]; *Бу ункат эласа-да со алатчэриуиу тыргацуиу эмэрэн* — *нады ноябрь тырганициги*. 'И вот наступил день, которого мы все давно уже ждали, — день седьмого ноября' [54].

Следует отметить, что в нанайском языке существительное *айнгани* 'год' в косвенно-притяжательном оформлении употребляется сравнительно редко, а если и употребляется, то субъектом обладания в этом случае чаще всего выступают несоциальные существа. В языках же эвенкийском, эвенском и орокском это существительное выступает в косвенно-притяжательном оформлении не реже других слов рассматриваемой семантической группы; нан. *Эй айнганисала Советскэй Союзу и нани уйси-гдэл урэйни айнганигосални бичин*. 'Для Советского Союза эти годы были годами его роста' [42]; эвенк. *Би егин анцанйицв* 'Мне девять лет (букв.: мои девять лет)' [63]; *Нунган туниги аниганициги нэжэдечэн* 'Ему шел пятый год' [47]; *Нэкундыгуду бичэти анцаницилин дян туна...* 'Младшему брату было пятнадцать лет' [59]; эвен. *Зу'эск'и надэн аицнйицйи одакэн нункутизэинри* 'На будущий год, когда тебе исполнится семь лет, ты пойдешь учиться'; *Несэуэрэптук'и аицнйицдуқйи б'и энэйна'ду'э гургэвчиэтитив* 'С юных лет я работал у богатых' [69].

При отношении одного отрезка времени к другому как части к целому все более употребительными становятся конструкции, где существительное, обозначающее более дробный отрезок времени, получает прямое притяжательное оформление, поскольку в этих конструкциях, прямой и косвенной, характер притяжательности не играет существенной роли для понимания смысла высказывания, например: нан. *1919 айнгани май биани I) инилэни* '10 дня мая месяца 1919 года', *айнгани биани* 'месяц года', *болонинини* 'день осени, осенний день'.

В восьмую семантическую группу существительных второго класса можно объединить существительные, обозначающие названия некоторых явлений природы и небесных светил: нан. *сиун* 'солнце', *биа* 'луна', *туэдэ* 'дождь', *симата* 'снег', *боно* 'град', *хэдун* 'ветер', *лосикта* 'звезда', *тэвэксэ* 'облако, туча', *тамни* 'туман', *вата* 'волна' и т. п.

Условная принадлежность предметов данной группы субъекту обладания выражается оформленном соответствующих существительных косвенно-притяжательными формантами. Субъектом обладания существительных интересующей нас семантики чаще всего выступает человек, но могут выступать и несоциальные существа: нан. *Сиунэус-дэ элэ тугуэскэ!* 'Солнце (твое) скоро пойдет введь!' [2]; эвенк. *Эрдэл диласаняс кајзэлим* 'Сейчас солнце (твое) загорюж!' [39]; *Си угэиэв миниги, угэиэв* 'Ты волна моя, волна!' [45]; эвен. *Н'ол'тэцкэнти лин, гэвацкэнтий г'эванрэн* 'Солнышко (наше) взойшло, заря (наша) засветилась' [68]; орок. *Исилэжэ балзигуаси суңуси иси-мэли* 'Теперь-то солнце (твое), которым ты жил, совсем на исходе'; *Симанацуци* тукни лака 'Выпадение ожидаемого ими снега близко' [71].

Названные существительные употребляются и в прямой притяжательной форме, если требуется выразить их отношение к более обширному целому, например: *боа сиуни* 'солнце вселенной', *тэвэксэ симатани* 'снег тучи', *восток хосиктани* 'звезда востока', *намо ватани* 'волна моря, морская волна' и т. п. Нужно сказать, что подобные конструкции теоретически возможны, но практически используются очень редко. Как пишет В. А. Аврорин, слова этой семантической группы «имеют крайне ограниченные возможности принимать формы множественного числа и притяжания»¹⁸.

Необходимо отметить, что целый ряд существительных второго класса трудно объединить в какую-либо единую семантическую группу. Оформление этих существительных косвенно-притяжательными формантами обусловлено различными факторами. В одних случаях косвенно-притяжательное оформление существительных диктуется необходимостью подчеркнуть условную принадлежность предмета субъекту обладания: нан. *Большевикасал газетанговачи якчилогочаги, напалологачи* 'Газеты большевиков закрывали, запрещали'; *Несавду большевикасал крейсегригучи «Аврора» тэжэ даиди накисан бичини*. 'На Цеве темной громадой выскочил крейсер большевиков «Аврора»' [36]; эвенк. *Туги дялдатчэнэ, нюркунан, чакилиринэми бурирэн* 'Задумавшись он споткнулся и уронил свой сверток' [48]; *Бэйцэ синцивэ аяцмас эжи тылэ* 'Зверь твоей

¹⁸ В. А. Аврорин. Грамматика... стр. 122.

красоты (твоей) не понимает' [51]; *Дёнчадым, умиз клет-кангдун чипича «реполов» бичон* 'В его клетке была как-то, помню, птичка реполов' [52].

В других случаях суффикс косвенной принадлежности указывает на то, что предмет обладания не является органической частью субъекта обладания: нан. *Талеко, сангар-нои симатади ликпиргурэ* 'Талеко забил снегом (свою) дыру' [26]; *Чимичиа бими, нёани чондонгои нэен очогохани* 'К утру от его ямки и следов не осталось' [21]. Если бы названные существительные не были оформлены суффиксом косвенной принадлежности, то характер принадлежности предмета субъекту обладания изменился бы и эти предложения следовало бы перевести соответственно: 'Талеко забил снегом отверстие (т. е. какое-либо отверстие своего тела)'; 'К утру от его ямки и следов не осталось (т. е. от ямки на его теле)'.¹⁹

Наконец, в третий класс входят слова, способные принимать косвенно-притяжательное оформление, но не употребляющиеся в прямом притяжательном оформлении.

Первую семантическую группу слов этого класса составляют имена существительные, являющиеся собственными именами. Субъектом обладания предметов здесь чаще всего выступают одушевленные существа: нан. *Чаду илри, Костылингуи тээнкини* 'Затем встав, посадил своего Костылина' [6]; ульч. *Titamardi Momiŋguri wəncini* 'Когда так говорили, наш Моми сказал' [73]; орок. *Бу Тэрэжэнду Чипавунаңоңу солоһоңу* 'Мы с Тэрэкэ нашей (рекою) Чипавуна вверх плыли [71]; эвен. *Эрэк окат гэр-бэн Дулаганганты.* 'Эта река называется их Срединная' [68]; нан. *Ми Еремкангои-тани лалава тэнг улэсими сиарини* 'А мой Еремка (кличка собаки) очень любит есть кашу' [21]; *Ми Казбекноива вагачи* 'Моего Казбека (кошка) убили' [16]; *Лилитэнгуи пэингэмби оялани тээнкини* 'Своего Лилита (кличка собаки) посадил к себе на колени' [26]; Буэ Серконгопу! 'Наш Серко (кличка животного)' [46]. Эти примеры свидетельствуют о том, что косвенно-притяжательное оформление способно принимать любое имя собственное, независимо от реалии, которую оно обозначает (даже клички домашних животных, тогда как нам известно, что они в подавляющем числе рассматриваемых языков суффиксом косвенной принадлежности обычно не оформляются).

Однако оформление имен собственных суффиксом косвенной принадлежности осуществляется лишь тогда, когда опущено определяемое, т. е. нарицательное имя существительное, ну и, конечно, когда имя собственное входит в состав притяжательной конструкции. Если определяемое опущено, то имя собственное выполняет его синтаксическую функцию, обозначает и предмет, и его наименование, принимает косвенно-притяжательную форму. В случае, если определяемое не опускается, имена собственные притяжательного оформления не получают. Наличие или отсутствие у определяемого суффикса косвенной принадлежности зависит от соотношения семантических особенностей как субъекта, так и объекта обладания, например: нан. *Неваду большевикасал крейсеригочи «Аврора» тэнг даиди накайган бичини* 'На Неве темной громадой выслался крейсер большевиков «Аврора»' [36]. При опущении слова 'крейсер' косвенно-притяжательное оформление должно было бы получить собственное имя Аврора (большевикасал «Аврорангочи...» 'Аврора' большевиков').

Употребление имен собственных в косвенно-притяжательном оформлении во многом сходно с употреблением в том же оформлении окказионально-субстантивированных прилагательных, числительных, местоимений и междометий.

Во вторую семантическую группу слов третьего класса входят окказионально-субстантивированные прилагательные, употребляемые при анафорическом опущении их определяемых. Характеристику анафорического опущения на материалах английского и русского языков можно найти в работах В. П. Кобкова. Автор выделяет это опущение как «явление, при котором повторяющийся смысловой компонент вторично не выражается, но может быть восстановлен в предложении благодаря опоре сохраняющихся в нем элементов (т. е. слов-представителей) на контекст»¹⁹.

С нашей точки зрения, В. П. Кобков проводит достаточно обоснованное разграничение между эллипсом и

¹⁹ В. П. Кобков. О способах сжатия текста при сохранении смысла. «Исследование по языку и фольклору», вып. 11. Новосибирск, 1967, стр. 50; *Он же.* Анафорическое опущение в современном английском языке (в сопоставлении с русским). Там же, 1965; *Он же.* Совмещение в современном английском языке (в сопоставлении с русским). «Вопросы языка и литературы», вып. 1. ч. 11. Новосибирск, 1966.

анафорическим опущением: «Если в предложении или словосочетании отсутствует член, употреблявшийся здесь на ранней ступени развития языка..., или подсказываемой здесь логико-семантическими закономерностями современного языка..., или же его формально-грамматическими закономерностями..., то такое отсутствие члена предложения принято называть эллипсом»²⁰. Анафорическое же опущение обусловлено стремлением избежать повторения в последующем предложении смыслового компонента предшествующего предложения. Как справедливо отмечает В. П. Кобков, «возможность эллипса объясняется опорой на ситуацию...», а возможность анафорического опущения — «опорой на языковой контекст, на ранее высказанные языковые единицы...»²¹

В рассматриваемых нами языках тунгусо-маньчжурской группы анафорическое опущение более всего свойственно имени существительному. При анафорическом опущении существительного в любой притяжательной форме, прямой и косвенной, определяющее его прилагательное получает косвенно-притяжательное оформление. В этом случае прилагательное подвергается окказиональной субстантивации, не выходящей, однако, в отличие от узуальной субстантивации, за пределы данного контекста. При окказиональной субстантивации прилагательное принимает на себя семантические, синтаксические и некоторые морфологические функции анафорически опущенного существительного. Вслед за В. А. Аврориным можно сказать, что в подобных случаях прилагательное заместительным путем обозначает предмет вместе с присущим ему признаком. Таким образом, при оформлении косвенно-притяжательными формантами прилагательное подвергается окказиональной субстантивации, в этом случае суффикс косвенной принадлежности указывает на условный характер принадлежности субъекту обладания не признака предмета обладания (что невозможно), а самого предмета, вместе с характеризующим этот предмет признаком.

Оформление прилагательного косвенно-притяжательными формантами и дальнейшая его субстантивация определяются самим фактом анафорического опущения существительного, обозначающего объект обладания, и

употребления в качестве его заместителя окказионально-субстантивированного прилагательного, а семантика как опущенного существительного, так и прилагательного в заместительном употреблении никакого влияния на оформление окказионально-субстантивированных прилагательных суффиксом косвенной принадлежности не оказывает, как совершенно справедливо отмечает В. А. Аврорин, «форма косвенной принадлежности прилагательных служит специально для того, чтобы обозначать обладающий данным признаком предмет как принадлежащий другому предмету. При этом всегда имеется в виду признак не обладающего субъекта, а объекта обладания, т. е. признак, который никак не может быть предцирован субъекту обладания»²². Иначе говоря, оформление окказионально-субстантивированных прилагательных суффиксом косвенной принадлежности продиктовано необходимостью указать на то, что признак, выраженный данным прилагательным, не составляет принадлежность субъекта обладания, а является признаком принадлежащего ему предмета, известного из предшествующего контекста.

Поскольку любое качественное и некоторые близкие к ним прилагательные могут употребляться заместительно, а, следовательно, подвергаться окказиональной субстантивации и в результате этого обозначать объект обладания, постольку для наших целей не имеет смысла выделять какие-либо семантические группы из числа этих прилагательных. Суффиксом косвенной принадлежности с соответствующим притяжательным формантом может быть оформлено любое качественное прилагательное, употребляемое заместительно, т. е. вместо анафорически опущенного существительного, например: нан. *Си оркингоси мимбэв сэпэнкени* 'Твоя злая (имеется в виду собака) меня укусила'; *Минду дюэр-карандаш бичини, ми диан гэлхэни: Буру минду сэденеу!* 'У меня было два карандаша, мой друг попросил: «Дай мне красный (свой)!»; [3]; эвенк. *Эр ая, си, минги сагдынганми, дысуиччала Крымдула нян мучуний!* 'Как хорошо, что ты, моя старенькая, снова вернулась в освобожденный Крым!' [50]; *Би дюлави эмэксэ, абданнацилби нэптэнилим: уларицилби — умун бугаду, сиңарицилби — бугаски, чутурицилби би эмэнчэв корбақаду, би гудеицилби синмакса, мэи акиндуви бум* 'Ког-

²⁰ В. П. Кобков. Анафорическое опущение..., стр. 150.

²¹ Там же, стр. 151.

²² В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 216.

да я пришел домой, я начал раскладывать свои листья: красные (свои) — в одну сторону, желтые — в другую, зеленые я оставил в коробке, я выбрал красивые и отдал их моему брату» [1]; *Ухацмй (оронмй) этэм гара* 'Худшего своего (оленя) не возьму!' [61]; эвен. *хутэн зёр. Эжэцун асй, гхэти н'ари* 'Детей у него двое, старшая (его) девочка, другой (его) мальчик' [69]; орок. *Тар соримари, оркимба наррэ эси гара битчичи, ноци масиццори, баяццори вари битчичи*. 'Враждуя, они слабых людей не убивали, старались убить сильного, богатого' [71]; *Нони мамануни то улисэни мэно колхозтакки буэни: унингацуби манарилатай, поцуаби мэно экэцултэкки* 'Его жена раздала мясо сохатого в своем колхозе: самое лучшее старикам, остальное — своим женщинам' [1]; ороц. *Бу школадуму сагдынку, цичицку дэрэ, мэно сэдыккуцибэй бу айчигиламу, су цичицкуниवासу — красигиламу* 'У нас в школе большие и маленькие столы, свои большие мы починили, ваши маленькие — покрасили' [1]; нег. *Nadan boxon, aujusun tauqayisun bisin yukkosün!* 'Семеро горбатых, который из нас самый сильный есть, (того) вышустите!' [72].

В литературе до сих пор не было отмечено, что окказиональной субстантивации могут подвергаться и отглагольные прилагательные, однако такой способностью они обладают. Подтверждением служат первое и четвертое предложения из приведенных примеров. Но все эти употребления строго контекстуальны, поскольку вне контекста окказиональная субстантивация невозможна.

Субъектом обладания предметами, выраженными окказионально-субстантивированными прилагательными, могут выступать социальные существа, животные и неодушевленные предметы. Но оформление прилагательных косвенно-притяжательными формантами не всегда обусловлено явлением окказиональной субстантивации. Подобное же оформление прилагательные (качественные и относительные) могут получать и в том случае, если возникает необходимость обратить особое внимание на признак определяемого ими предмета, т. е. в том случае, если логическое ударение падает на определение, например: эвенк. «Астраль», «Буйтур», «Голнаф», «Каскад» — *эргэчир гэрбичилвэ сортальва Мичурин ганзкин, севердыцми виноградви аяндави* '«Астраль», «Буйтур», «Голнаф», «Каскад» — вот какие были названия сортов, которые вывел Мичурин, чтобы улучшить свой северный вино

град' [55]; *Муннигвэ кутучингэвун семьявэвун лэжэситты ургэччу кэсэ тырэрэн* 'Нашу счастливую семью постиг первый тяжелый удар' [52]; *Иркатук хадгамарийтин акитин гасэ рэктигэвунми* 'Самый старший брат взял ружье' [39]; ороц. *Ајациси асанси хитэи мјлэ вэхани* 'Твоя любимая жена погубила ребенка в воде' [70]; нег. *Би сэндичэй дин цэнэмуцйтйн гёшулса* 'Я выбрал самое длинное весло'; *Эдү дин годдацйтйн мэл балдйја* 'Здесь растут самые высокие деревья' [74]; эвен. *Айјатан ро, ктирáo, н'ан е'ün-дүла* 'Самое лучшее (их) ружье у ламута' [66]; *Нбдйцу, н'эцэцу эмтэкэн хэпкэр!* 'Не хватайте красивый (мой), цветок мой!'; *Ями-да белгаранган атыкан тадук-та эгдэдмэру гасчиваттан* 'Но жадная старуха требует все больше и больше' [67].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что определения, оформленные косвенно-притяжательными формантами, употребляются с заметным повышением их смысловой значимости, здесь определения несут основную смысловую нагрузку. Следует обратить внимание и на тот факт, что прилагательные в рассматриваемом употреблении получают косвенно-притяжательное оформление независимо ни от их семантики, ни от семантики существительных, определениями которых они являются. Следовательно, в рассматриваемом употреблении может выступать любое имя прилагательное, получая при этом косвенно-притяжательное оформление. Определяемое же существительное в этом случае может быть оформлено косвенно-притяжательными формантами, но может и не получить такого оформления, поскольку его оформление зависит от соотношения семантических особенностей слов, обозначающих субъект и объект обладания, иначе говоря, косвенно-притяжательное оформление существительное получит в том случае, если возникнет необходимость указать на условный, косвенный характер принадлежности предмета субъекту обладания.

В эвенском языке отмечены случаи косвенно-притяжательного оформления определений, выраженных числительными, указательными местоимениями и причастиями. И здесь подобное оформление вызвано необходимостью усиления смысловой значимости определения, необходимостью выделения соответствующего качества предмета: *Эрэв аицэли би диццэгэ пуатјагај ун'иртэм* 'В этом году я купила четвертое (для себя) платье (для себя)'; *Таргэй,*

ол'ик'и'и, *hinđu bõriv* 'Ту (свою) безку (свою), дал тебе'; *Этуриц'а'т'и, бэиц'а'т'и, йаги б'исит'эн* 'Охраняющих (их) людей (их), было трое'; *Атй'қан, эриц'э' бэиц'э' қарқ'й'о'ни'қан, чай'и'к'и' һуји қидоин* 'Старуха, ожидая едущего (своего) мужчину (своего), кинятила чайник' [69].

Третью семантическую группу слов третьего класса составляют окказионально-субстантивированные числительные, их субстантивация обусловлена теми же факторами, что и окказиональная субстантивация прилагательных, например: нан. *Эддим'эсуи Тилит'эчи нангалахани* 'Одну из них (рыбу) он бросил Тилиту (кличка собаки)' [26]; эвенк. *Уикат гунч'этын, бу Шишкин'ици дюринд'эвэр тэлингэ ачингидавун* 'Все сказали, чтоб мы с Шишкиным (свои) двойки ликвидировали в самое короткое время' [54]; *Нуцард'утын илан утэн бичэл: уму кэц'итын — омологичан, гец'итын — ауткан, илиц'итын — нан омологичан*. 'У них было трое детей: первый — мальчик, вторая девочка, третий — тоже мальчик'; орок. *Вара мин'ици туксац'уаби, борилами дуц'уби нимгел'аты* 'Как много у меня зайцев, надо отдать двух (своих) соседям'; *Мунду зон бо'о бичичи: илац'орибу зоопарктай худаси'уану, тундац'ори бууэну оеколатай, дуц'ори, гидала'уану* 'У нас было десять медведей: трех (своих) мы продали в зоопарк, пятерых (своих) отдали в школу, двух (своих) закололи'; ороц. *Нуц'атыду ила наса бичичи: омон'иц'иты — сакаи, жуви'иц'иты — чэккэ, илави'иц'иты — сог'зо*. 'У них было три шкуры: первая — черная, вторая — белая, третья — рыжая' [11].

Необходимо отметить, что обычно окказиональной субстантивации подвергаются числительные — порядковые и количественные — до трех. Не исключена возможность субстантивации и для остальных числительных, но возможность эта реализуется очень редко. Кроме того, в нанайском языке окказиональная субстантивация числительных происходит очень редко.

В четвертую семантическую группу входят окказионально-субстантивированные указательные местоимения. Особенно часто окказиональной субстантивации подвергаются указанные местоимения в эвенкийском, эвенском, орокском, негидальском языках: эвенк. *тар* 'тот'; эвен. *тар' id*; орок. *тари' id*; нег. *тау' id*; в нанайском и ороцком субстантивация этих местоимений практически не наблюдается. Как известно, во всех тунгусо-маньчжурских язы-

ках личные местоимения третьего лица ед. и мн. числа служат лишь для обозначения предметов, относящихся к категории лица. Когда же речь идет о животных и неодушевленных предметах, используются не личные, а указательные местоимения. И всегда, когда указательное местоимение употребляется как окказионально-субстантивированное, оно имеет косвенно-притяжательную форму: эвенк. *Эм'эвэн ум'и анам бэи'умэ, тариц'ит'ар нуц'артын сивайбара* 'Дрине жирного лося, этим (своим) они угостились'; *Тарицилин об'элин кич'эл'эвэр гэл'экт'эл'эл, эч'эл бакара*. 'Те (его) ходили на лыжах по поверхности осыпи, искали, не нашли'; *Улэрэкин, тарицин тук'т'увун оча* 'Когда бросил, тот (гребень его) лестницей стал'; *Авдувун билин елан ороп. Тариц'абар-да кеян элив эксэрэ оц'оло* 'В хозяйстве у нас всего три оленя, но даже и их (своих) не можем гонять на пастбище' [59]; *Хм'и ом'эн ол'ик'и' тэ'у'тт'эн, тариц'ин'экт'эрт'эм* 'Оказывается одна белка сидит, в ту (свою) выстрелил' [69]; орок. *Гэ, тариц'ули н'омбони гадумари цэц'у'эчи-тэчи* 'Те (ее) привели его'; *Тариц'уни гал'нами хо'з'и у'атчи ун'з'ини* 'Тот (его), стрелять кончивши, говорит' [71]; нег. *Tau asiwá d'awayén..., tauyí oldoxsodun nougiyen*. 'Ту женщину взял..., ту (свою) в гроб (ее) положил опять' [72].

Из примеров видно, что окказионально-субстантивированное указательное местоимение включилось в парадигму личных местоимений и служит заместительным обозначением для всех предметов, не относящихся к категории лица. Не исключено, что подобный путь прошли и личные местоимения третьего лица ед. и мн. числа, служащие для обозначения предметов, относящихся к категории лица, т. е. местоимений. Эвенк. *нуцан* 'он, она, оно' и *нуцартын* 'они', могут быть расшифрованы так: ну — основа, *-и* — суффикс косвенной принадлежности; *-н* и *-тын* — лично-притяжательные форманты ед. и мн. числа соответствующих местоимений, *-а* — соединительный гласный, *-р* — формант мн. числа.

Реже субстантивации подвергается эвенкийское указательное местоимение *эр* 'этот': *Эр бэ'эцин бим'и Ум'э-ни'кэнмэ дев'бэи ун'к'эруц. Эриц'ин бим'и авахи* 'Этот человек (его) набросился на Умусникона, чтобы убить. Этот (его) оказался авахи'; *Эриц'дуви тулак'и'ци тут'эвэн д'в'э'эв д'эки'канд'уви* 'В этот (свой) ящик зайца (своего) посажу' [63].

Отмечен случай окказиональной субстантивации эвенкийского указательного местоимения *тавар* 'тот самый': *Си эукэс атылэсча таварицнас горотту* 'Твой дедушка кушил ее (твою) в городе' [1].

К этой же семантической группе примыкают окказионально-субстантивированные вопросительные местоимения: эвенк. *Экуцив, эмэксэ, айдицан?* 'Кто же из моих придет и спасет меня?' [59]; *Ekungitwe tuktižiyās, ekun-žitwi cini žiyās?* 'Чем(своим)влезешь, чем(своим)подрубишь?' [39]. Сюда следует отнести и нанайское окказионально-субстантивированное местоимение *хамача* 'никакой, ничто': *Туй Иваныч хамачанго-да ана дэрэдигухэни*. 'Так Иваныч ни с чем и остался' [28]. В приведенном примере форма косвенной принадлежности сочетается с отрицательной формой обладания.

В пятую семантическую группу слов третьего класса входят окказионально-субстантивированные причастия. Правда, в нанайском и удэгейском языках нам их обнаружить не удалось. О. П. Суником же приводятся примеры окказиональной субстантивации причастий нанайского языка (*ми энэй-нго-и* 'мой ходок', 'тот, кто для меня ходит'; *Ми голэй-нго-и* 'мой чтец', 'тот, кто для меня читает'; *Ми вари-нго-и* 'мой убиватель', 'тот, кто для меня убивает, охотится'; *ми энэ-хэ(и)-нгу-и* 'мой прошлый ходок, тот, кто в прошлом для меня ходил'; *ми энэ-гилэ(и)-нгу-и* 'мой обязательный ходок, тот, который должен идти для меня')²³.

В наших материалах подобного употребления суффикса косвенной принадлежности обнаружить не удалось²⁴.

В эвенкийском языке окказиональной субстантивации могут подвергаться причастия законченного действия, образованные при помощи суфф. *-ча/-чэ/-чо*, например: *Бу уллэцивун мунчэ, бу мунчэңнэр гарандарав* 'Наше мясо протухло, протухшее (свое) мы выкинули'; *Бу тыркэңцивун остол дагадун тэүтчэ, тэүтчэңцивун екун-мака сэгэргэдечэн* 'Наш старик сидел около стола, сидевший (наш) что-то рассказывал' [1].

²³ О. П. Суник. Очерки по синтаксису..., стр. 182—183.

²⁴ Из частных бесед с исследователями нанайского языка П. Б. Киле и С. Н. Оненко мы выяснили, что подобные формы теоретически возможны, но в практической речи они не реализуются.

Возможна окказиональная субстантивация причастий в форме на *-ри*, обозначающих процессуальное действие, и причастий обычного действия, например: *Моба гами хукулөдеримми хусуунэн* 'Палку взял, лежащего (своего) ткнул'; *Тэгэтчэрицин хокориңмāk одан* 'Сидящий (его) внезапно исчез' [65]; *Нунан мэнңиви хулукукэнмэ нэнэлдыдерицими бэрэвкэнмудечэн* 'Ему хотелось успокоить своего маленького спутника' [51]; *Уһэдэукиңит тоһогэн* 'Их больной расхворался' [39].

Отмечено явление окказиональной субстантивации причастий в орокском языке: *Би этэңуби муты тухэни, тухэңнэри балабал тэңдууану* 'Моя женщина упала в воду, упавшую (свою) мы быстро вытащили' [1].

Удалось отметить случай окказиональной субстантивации междометия: эвенк. *Модунгилтын ултандяран* 'Их моду (окрик на оленей, заходящих за близстоящие деревья) эхом отдаются' [42].

О. А. Константинова и К. А. Новикова указывают на возможность образования глагола от основы имени существительного, содержащей суффикс косвенной принадлежности.

О. А. Константинова приводит следующий пример: *Аминийн амаски индечэн дуннэңтычэн бира дантудун* 'Его отец раньше жил на своей земле в верховье реки'. Она считает, что при этом значение косвенной принадлежности предмета, который назван в основе данного глагола, сохраняется²⁵.

С этим трудно согласиться. Прежде всего необходимо отметить, что суфф. *-ң* как показатель косвенной принадлежности в основу имени существительного входить не может, поскольку относится к числу формантов смешанного формообразования, а, как известно, формообразующие аффиксы могут находиться только вне основы слова. Кроме того, указанный глагол (если согласиться с утверждением о том, что суфф. *-ң* относится к основе существительного) образован при помощи суфф. *-ты*, который О. А. Константинова в своем исследовании считает суффиксом, образующим такие слова, как: *улэты* 'есть мясо' (*уллэ* 'мясо'), *уматы* 'есть костный мозг' (*уман* 'костный мозг'), *уңтуты* 'бить в бубен' (*уңтувун* 'бубен'),

²⁵ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 148; О. А. Константинова. Эвенкийский язык, стр. 68.

турэты 'говорить' (турэн 'слово')²⁶. Эти примеры не обнаруживают значения, которое присуще глаголу *дунэты* 'владеть чем-то'. Суффиксом же, обозначающим владение предметом, является формант *-та/-тэ/-то*. Компонент *-ң* естественнее было бы считать глагольным словообразовательным формантом, или составной частью суфф. *-нты*.

И, наконец, если считать суфф. *-ң* рассматриваемого глагола формантом косвенной принадлежности, то придется предположить существование глагола *дунэты* 'владеть землей', где принадлежность предмета носила бы органический, неотчуждаемый характер, но подобного глагола в эвенкийском языке не существует.

Имеются случаи, когда суффикс косвенной принадлежности, находящийся в составе слова, утратил свое значение и выделяется лишь посредством сравнительно-этимологического анализа. К числу таких слов в нанайском языке относятся *эл-ңу-ди-и* 'изо всех своих сил (при ед. ч. субъекта)' и *эл-ңу-ди-эри* 'изо всех своих сил (при мн. ч. субъекта)'. По аналогии с другими словами того же морфологического строения все форманты этих слов без труда могут быть выделены: показатели *-и* и *-эри* являются возвратно-притяжательными суффиксами ед. и мн. числа; *-ди-* — суффикс твор. падежа; *-ңу-* — суффикс косвенной принадлежности. Интересующее же нас значение основы *эл-* обнаруживается не в нанайском, а в эвенкийском языке, где для него отмечено значение 'последнее усилие'²⁷. В современном нанайском языке эти слова следует признать морфологически нечленимыми наречиями, например: *Вайчай най оланчи элңудии пагдиалахани* 'Охотник изо всех сил кинулся к польсье' [21]; *Нёанчи... элңудиири уйкэв дуктэуэчи* 'Они изо всех сил принялись колотить в дверь' [36].

Морфологически нечленимыми следует признать и наречия ороцкого языка *маңаңиңи* 'сильно, изо всех сил'; *ајаңиңи* 'внимательно', 'хорошенько', в которых суфф. *-ңи-* утратил свое былое значение — указание на условную, косвенную принадлежность предмета субъекту обладания. Отнести рассматриваемые слова к числу существительных,

оформленных суффиксом косвенной принадлежности и показателем творительного падежа, невозможно, поскольку в современном ороцком языке они должны были бы рассматриваться грамматически незавершенными ввиду отсутствия у этих слов притяжательных формантов, указывающих на лицо и число (лично-притяжательные), или на число (возвратно-притяжательные) субъекта обладания, например: *Манаңа, сй-дэ ајаңиңи иңэчү!* 'Старик, и ты смотри внимательно!'; *Тэи илан'ңи дилики иңэури бат'ңидула исиви, ајаңиңи нэдэси* 'Добравшись до того самого Гремящего богатыря, держи себя осмотрительно'; *Мэггэ тайд'тан'и чэзэ маңаңиңи х'хэн'и* 'Герой тогда дунул поистине изо всех сил'; *Гэрэ н'и ајаңиңи жүктәкитида* 'Все люди внимательно проверили' [70]. Особо отметить следует использование формы косвенной принадлежности для уточнительной характеристики предмета с указанием на то, что он ранее упоминался соответствующим лицом или был предметом его мысли. Впервые на возможность использования суффикса косвенной принадлежности в подобном употреблении указал исследователь удэгейского языка Е. Р. Шнейдер, который по этому поводу писал: «С помощью суфф. *-ји (-жи)* образуются притяжательные формы и тогда, когда обладание носит, так сказать, условный характер, например: *minti Bәliхә-ји-fi* — наша Боле (название героини удэгейских сказок), т. е. та Боле, о которой идет речь; как и в русских сказках: «И вот пошел наш Иван...» В этом значении может быть образована притяжательная форма и от слова 'собака', например: *minti in'ai-ји-fi* — наша собака. Эта форма может употребляться также по отношению к чужой собаке ее временными хозяевами»²⁸.

О подобном использовании суффикса косвенной принадлежности в негидальском языке говорят К. М. Мильникова и В. П. Цициус: «Если же обладание предметом носит более отдаленный или временный характер, или если оно понимается в переносном смысле, как, например, в сказках, подобно русскому „как пошел наш козел“ — притяжательные аффиксы присоединяются с помощью суфф. *-ң-*»²⁹.

²⁸ Е. Р. Шнейдер. Указ. соч., стр. 101.

²⁹ К. М. Мильникова, В. П. Цициус. Материалы по исследованию негидальского языка. «Тунгусский сборник», I. Л., 1931, стр. 149.

²⁶ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 199.

²⁷ Г. М. Васильевич. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, стр. 554.

По сообщению О. А. Константиновой и в эвенкийском языке имена существительные, для которых характерно употребление прямой притяжательной формы, могут выступать в форме косвенной принадлежности в тех сравнительно редких случаях, когда принадлежность носит условный или выделительный характер, например: *Атыр-кэчээн урддү цй-вэл авунмайн бакаран, авундүй хутакандүй дьрэн* 'Старушонка нашла на сонке чью-то шапку; свою (т. е. найденную ею) шапку сунула в (свою) сумку'; *Этыркэндүлэ синэ эмэвдеээн. Этыркэмми — сэнкэ, вэйлэйн.* 'Он сведет тебя к старику. А (тот) мой старик умелый опытный охотник'. Такой же оттенок значения могут иметь имена существительные, обозначающие промысловых животных, например: *Хуркэжэн багдэкэвэ нэктырэнэн, багдэжэйн сунирэлдү сокоривран* 'Мальчик выстрелил в дикого оленя, а его дикий олень убежал'³⁰.

Суффикс косвенной принадлежности в рассматриваемом значении используется и в нанайском языке. К. А. Новикова не отделяет уточнительно-выделительное значение от основного значения суффикса косвенной принадлежности — указывать на относительный, неорганический характер принадлежности предмета субъекту обладания. По рассматриваемому вопросу она пишет: «Аффикс *-н* указывает на неорганическую, непостоянную, условную связь между именами в притяжательном словосочетании»³¹.

Смешение двух различных значений суффикса косвенной принадлежности в эвенском языке обусловило и вывод К. А. Новиковой о том, что «два способа притяжательного оформления охватывают в ольском говоре все имена, за исключением служебных слов»³². Как было показано выше, сфера употребления суффикса косвенной принадлежности, в том случае, если он указывает на неорганический, косвенный характер принадлежности предмета, на все имена не распространяется. Что касается второго значения суффикса косвенной принадлежности, значения уточнительно-выделительного, то вслед за В. А. Аврориным можно отметить, что в этом случае суффиксом косвенной принадлежности может оформляться любое имя су-

ществительное: *Ми энгурнгуи чоп аба очогохани* 'Мой волк (т. е. волк, о котором я говорил) совсем исчез (отсутствующий стал)'; *Гэй, мэргэн исиочиани, буэ мэргэнгуну михранкини* 'Когда тот герой пришел (достиг), наш герой (герой, о котором мы говорили, герой нашего повествования) поклонился'; *Пёани дёнгони кубдукэн очогохани* 'Его дом (то, что он принял за дом) холмиком оказался'; *Гэ, си огдангоси!* 'Вот она твоя лодка (вот что ты ошибочно принял за лодку!)'³³

См. также материалы эвенского языка: *ор-эч-э-т* 'наш (всех) олень', 'тот олень, который считался нашим'; *мут нут-э-ч-ун* 'наш сын', 'тот, кто считается нашим сыном'; *Тйм'уйн кунцакан нутэчэн, ва'ик'ицэжэ гэм'эн. Нок'ичил'рэкэн, ирэм'э чунцакан дён, сонни, кунцацтэк'иц: Амэчэс экэн'зи атунанрэн* 'На следующий день мальчик, тот который считался его сыном, пошел охотиться на белок (досл.: «пошел искать для себя белок»). Когда он стал стрелять из лука, на молодую лиственницу села птичка, говорит тому своему мальчику: «Тот, кто считается твоим отцом, женат на своей старшей сестре» (из сказки)³⁴.

Как видим, здесь суффиксом косвенной принадлежности с уточнительно-выделительным значением оформлен ряд имен существительных (шапка, дом, лодка, олень, сын, отец), которые мы рассматривали на предшествующих страницах как неспособные принимать суффикс косвенной принадлежности в его основной функции.

В. А. Аврорин вполне справедливо указывает на то, что уточнительно-выделительное значение суффикса косвенной принадлежности явилось «дальнейшим развитием... наиболее распространенного и вместе с тем наиболее древнего употребления косвенной притяжательной формы, заключающегося в выражении косвенной принадлежности как таковой»³⁵.

К уточнительно-выделительному значению форманта косвенной принадлежности тесно примыкает еще одно, неотмеченное в литературе употребление этого же суффикса для выражения метафоричности значения оформляемого им существительного, например: нан. *Ми си индангоси бизсимби* 'Я не твоя собака (т. е. я человек, а не со-

³⁰ О. А. Константинова. Указ. соч., стр. 67.

³¹ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 147.

³² Там же, стр. 150.

³³ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 160—161.

³⁴ К. А. Новикова. Очерки диалектов..., стр. 147, 148.

³⁵ В. А. Аврорин. Грамматика..., стр. 160.